

Не потревожим зла

Автор:

Соня Фрейм

Не потревожим зла

Соня Фрейм

online-best

Говорят, что любовь исцеляет, но Алиса не смогла спасти Якоба от самого себя. Три года прошли в тишине, пока его призрак не вернулся к Алисе на концерте рок-певца Люка Янсена. Готический бал-маскарад обернулся настоящей пляской смерти: усопшие вдруг зашептали из зеркал, а фрески на стенах церквей ожили, чтобы сыграть шахматную партию, на кону которой людские жизни.

Падение по кроличьей норе началось, только почему же Страну чудес населяют одни мертвые?

Соня Фрейм

Не потревожим зла

© Соня Фрейм, 2006

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается В.

За все путеводные звезды,
которые появлялись для меня, когда
все остальное гасло

Я начинаю там, где ты закончил

Пусть Эрос, мрачный бог, и роковая сила
Убийственных безумств грозят из-за угла —
Попробуем любить, не потревожив зла...

Шарль Бодлер. Осенний сонет
(пер. А. Эфрон)

Пролог

Они сидели друг против друга, и между ними была пустая шахматная доска.

Игрок с разноцветными глазами еле заметно улыбался, точно зная что-то наперед.

Другой игрок, в темных одеждах, внимал тишине, словно ожидая услышать в ней знак.

Игра еще не началась.

Но вот второй игрок поднял тяжелые веки, и на шахматной доске возникли причудливые полупрозрачные фигуры, внутри которых переливалась мерцающая вечность. Разноглазый при этом издал удовлетворенный смешок.

Один играл черными, другой — красными.

И так началась эта история.

If I could tear you from the ceiling,
I know the best have tried,
I'd fill your every breath with meaning,
And find the place we both could hide.

Если бы я мог оторвать тебя от неба,
Я знаю, все уже испробовано,
Я наполнил бы каждое твое дыхание смыслом,
И нашел бы место, где мы оба могли бы спрятаться.

Placebo «Blind»

Глава первая

В начале было обещание

— Алиса, ты не отпустишь меня?

— Я держу тебя, Якоб. Как и обещала.

— Я не справлюсь в одиночку.

— Ты не будешь один.

Come on, baby,

Don't fear the Reaper!

Baby, take my hand![1 - Ну же, малыш, не бойся Жнеца!Хватай меня за руку, малыш! (Отрывок из песни «Don't Fear The Reaper» группы Blue Oyster Cult).]

Из колонок водопадом лилась одна и та же фраза, циркулировавшая по комнате, казалось, целую вечность. Куплеты закончились, остался один веселый припев.

Якоб беззвучно повторял слова песни, равнодушно разглядывая потрескавшийся потолок. Алиса скользила где-то рядом, превратившись в размытое пятно.

— Якоб? Слышишь меня?

Ответом ей были лишь слова песни, поставленной на повтор. Алиса могла сейчас закричать, ударить его и даже облить кипятком — он остался бы лежать на кушетке с запрокинутой головой, повторяя, как заклинание, эти заевшие строки.

— Якоб?

Музыка стала невыносимо громкой.

COME ON, BABY!

DON'T FEAR THE REAPER!

DON'T FEAR THE REAPER!

Внутри него была волшебная дверь, за которой он любил исчезать. Возможно, там он был счастливее, чем здесь. Проблема заключалась в том, что Алиса за ним последовать не могла. Он находил лазейку, она утыкалась в стену.

Ножницы потрошили картонные коробки, чтобы их было удобнее трамбовать в контейнеры для бумажного мусора. Этот момент, в котором они так неудачно застряли, тоже следовало бы порезать на части и отправить в помойку.

Господи, как же хотелось тишины...

Она потянулась к магнитофону, но неожиданно ее запястье перехватила рука Якоба.

— Алиса, так надо.

Она смотрела на него злыми воспаленными глазами, а Якоб все так же тарасился в потолок, до боли стискивая ее запястье.

— Я больше не могу это слушать. Она играет уже неделю.

— Пожалуйста. Прошу тебя.

Его слова звучали ломко и печально. Иногда ей казалось, что он просто искусно над ней издевается. Временами она не верила ни этому пустому взгляду, ни его тихим коротким просьбам.

— Я вернусь через полчаса. Мне нужно побыть в тишине.

Его пальцы разжались, и рука безвольно упала.

Алиса еще какое-то время молча наблюдала за ним, затем взяла мусор и вышла на улицу.

Разрезанные коробки отправились в контейнер, но она продолжала стоять в вонючем закутке его двора, ощущая глухое отчаяние. События походили на плохую репетицию одной и той же сцены.

«Поскорее бы все это закончилось».

Но от этой мысли тут же стало страшно.

Алиса прошлась до булочной у станции, купила ненужный хлеб. Она поймала себя на мысли, что готова придумать миллион занятий, лишь бы не возвращаться.

Присев на бордюр, она отстраненно наблюдала за людьми и машинами. Небо постепенно гасло, и счет времени терялся...

Чувство реальности накрыло внезапно, и она вдруг резко ощутила, что надо вернуться домой. Как можно быстрее. В животе расползался страх, которого она не испытывала прежде. Шаг становился быстрее. Ступени лестницы хаотично разлетались под ногами, а хлопки дверей казались слишком громкими.

Песня по-прежнему звучала — она услышала ее еще в подъезде.

Но сквозь ее ритм проступало нечто другое.

— Якоб...

Его голову окружал темный ореол. Он лежал словно вписанная в пол икона безымянного святого, хотя только что совершил смертный грех. Пистолет валялся рядом, и теперь пальцы Якоба едва его касались.

DON'T FEAR THE REAPER!

BABY TAKE MY HAND!

— издевательски вторил ее мыслям магнитофон.

Алиса не шевелилась: увиденное лишило ее способности двигаться и мыслить.

Во всем словно звучали отголоски чьей-то насмешки.

Пошатываясь, Алиса дошла до магнитофона и трясущимися пальцами вдавила кнопку. Наступившая тишина ощущалась как неправильная.

Быстро закрыв за собой дверь квартиры, она снова вышла в переливающийся огнями вечерний Берлин — город всех бездомных и заблудших, в котором больше не было Якоба Радке, сумасшедшего с глазами зрячего слепца.

По небу неслись розоватые облака, похожие на облетевшие перья. Солнце садилось, забирая вместе с собой и чью-то испуганную жизнь.

В груди замер чудовищный ком, но Алиса не проронила ни слезы. Якоб остался позади вместе со своим пистолетом. Там же осталось и ее обещание, сломанное пополам, как ветка.

Вслед как наяву звучал его укоризненный голос:

«Алиса, это нечестно».

Три месяца спустя

— Добрый день, мои дорогие. Для тех, кто только пришел: я — Клара, веду эту группу по вторникам и четвергам. Мы все здесь в первую очередь — хорошие друзья. Не знаю, что вы думали о групповой терапии до прихода сюда, но могу с уверенностью сказать, что существует три типа: оптимист, пессимист и скептик. И дело не в том, кто из них — вы, — Клара заговорщицки улыбнулась, будто собираясь приоткрыть тайну, — а в том, что после вы наконец-то станете собой.

Она поправила очки указательным пальцем и устроилась поудобнее на колченогом стуле. Все присутствующие смотрели на нее с интересом и затаенным ожиданием, словно на фокусника, который сейчас начнет доставать кроликов из шляпы. Кто-то радостно улыбался и кивал, похоже, уже становясь собой. Но большинство неловко молчали, обратив к Кларе напряженные взгляды.

Алиса затесалась между ними и выжидала. Она не считала себя ни оптимистом, ни пессимистом, ни скептиком — просто проходя мимо, в фойе на доске

объявлений прочла приглашение в бесплатную группу психологической поддержки студентов.

— Что это, секта или фан-клуб? — спросила она у однокурсницы.

— Нет, это действительно психологическая помощь. Слышала про групповую терапию? Люди собираются, чтобы делиться своими проблемами. Коллективная рефлексия и все дела...

Алиса и сама не понимала, почему стояла у объявления несколько минут. Якоб говорил, что в психологию идут лишь те, кто не разбирается в людях. Впрочем, Якоб еще много чего говорил. Например, что утешить безумие может только смерть...

«Замолчи уже. От твоих слов одна беда».

Она записала время и номер аудитории. Групповая терапия в университете была проектом факультета психологии, и на нем часто присутствовали сами студенты.

И вот Алиса здесь и пытается понять: бежать ей сейчас или из вежливости досидеть до конца. С мрачным скепсисом она оглядела окружающих и еще сильнее скрестила руки на груди.

«Все-таки... зачем ты пришла? — спросила она себя в сотый раз. — Ты что, и правда собираешься говорить об этом с посторонними людьми? Может, еще и книгу напишешь?»

Иногда хотелось дать себе промеж глаз, чтобы заткнуть назойливый внутренний голос.

Слова Клары воспринимались вполуха, а в этом кружке из людей и пластиковых стульев начиналась клаустрофобия.

Из-за наглухо закрытых окон было душно. Приветливый солнечный луч скользил по стене, изредка угасая, когда на солнце набегала очередная маленькая туча.

Ведущая группы тем временем дала слово присутствующим. Каждый должен был представиться и сказать, что его привело сюда.

— Я — Селина, мне девятнадцать. Вашу группу мне порекомендовал Вальтер. — Бородач в клетчатой рубашке рядом с Алисой помахал всем рукой. — И я решила попробовать. Моя проблема... ну... довольно обычная. Может, кто-то посмеется про себя. Я всегда была полноватой, но, знаете, мне не казалось, что со мной что-то не так. Пока не пошла в ту школу. Сейчас я думаю, что дело было не во мне. Просто подобралась не очень добрые ребята. Но что сделано, то сделано. И уже неважно, кто виноват.

«А потом ты довела себя до анорексии, но благодаря этой терапии учишься любить себя такой, какая ты есть...» — раздраженно пронеслось в голове у Алисы.

Раньше она устыдилась бы этих мыслей, ведь всегда старалась сочувствовать чужим проблемам. Однако происходящее напоминало какой-то киношный фарс. Спасти это могла только Марла Сингер. Но это не «Бойцовский клуб», а черт знает что.

Случайно залетевшая в аудиторию муха бессильно билась об оконное стекло. Она сердито жужжала и упрямо буравила себе путь наружу... Алиса наблюдала за ней с отстраненностью и хладнокровием. Она и себя ощущала мухой последние три месяца.

А Клара все кивала, как эти игрушки, у которых постоянно качается голова...

Вверх-вниз.

Вверх-вниз.

— ...и я просто не выдержала всех этих дразнилок... Думала, если откажусь от еды полностью, то похудею в момент. Проблема в том, что я начала доводить все до абсурда и в итоге выблевывала даже салаты. Мне казалось, что в них везде жир... липкий жир.

Стрелка часов ползла предательски медленно, так что хотелось взять и насильно потащить ее пальцем вниз.

Алиса прикрыла глаза, и ее внимание окончательно рассеялось.

...Мелькнула вспышка света, и в ней проступил бледный, сгорбившийся Якоб. Он смотрел исподлобья, тем самым взглядом, сквозь который гранями проступала его покалеченная душа.

...Светло-голубая радужка отсвечивает болезненным неоном, а обветренные губы надломлены в хрупкой улыбке.

«Алиса, почему ты не удержала меня? Ты же обещала...»

От этого мягкого укора откуда-то из глубины пружиной взвилась притупившаяся боль...

Настоящие привидения не живут в заброшенных особняках, они поселяются в душах. Этих демонов никогда не изгонишь.

«Я не смогу один...» — возникло в голове эхо его слов.

Пальцами она сжала переносицу изо всех сил, чтобы сдержать что-то в себе.

...Что было после? Ничего. Похороны в присутствии трех человек — отца, матери и безымянной для них девушки непонятной национальности. Никто не плакал. Все разошлись молча. И только когда Алиса вернулась домой, ее прорвало. Она выплакивала моря и океаны, всю себя по частям, по крайней мере те шестьдесят процентов воды в организме уж точно.

— Алиса...

Голос Клары звучал так далеко, но с каждым мгновением становился все более и более реальным. Глаза приоткрылись и мутно обвели комнату. Пару мгновений ее действительно здесь не было.

На Алису уставились с выжиданием и дружелюбным интересом. Клара приятно улыбалась, слегка покручивая своей ручкой.

— Ты у нас тоже новенькая. Мы с удовольствием послушаем, что привело тебя. Можешь рассказать все, что считаешь нужным. Совсем не обязательно быть откровенной сразу. Это непросто.

Смотрите-ка, никто не хочет ее съесть.

Алиса уставилась на психолога невидящим взглядом. Но ее поза вдруг стала на удивление раскованной — она сползла по стулу, вытянув вперед одну ногу. Правда, руки так и не удалось расцепить.

«Все, что считаешь нужным...»

Отличная мера для любой исповеди.

— Да нет, я сразу скажу, почему пришла. Знаете, у меня был парень, Якоб. Мы встречались всего полгода, но временем эти отношения не измерить. Все делали вместе: ели, спали, учились. Читали одинаковые книги. Слушали одну и ту же музыку. Если бы можно было обменяться кровью в венах, мы и это сделали бы. Вот такая у нас была любовь. Но между нами все же существовала разница. Понимаете, мой парень оказался психом, и у него был полнейший сдвиг на смерти. Он ненавидел свою жизнь. Якоб был болен и отказывался лечиться, но просил быть рядом и держать его, насколько мне хватит сил, иначе он сиганет туда — в смерть, как он говорил. Он сам отдалился от всего мира, но я дала обещание, что вытащу его из этой ямы, в которую он загонял себя все эти годы. Еще до встречи со мной он планировал свой уход. Как-то раз он спросил меня: нож или пистолет? Я выбрала пистолет, потому что быстрая смерть — это роскошь. Но он сказал, что со мной сможет выкарабкаться. Мне следовало быть рядом и напоминать ему, что он жив. Сам он давно считал себя мертвым. Но с каждым днем становилось только хуже. Короткие просветления оборачивались новыми затмениями. Якоб перестал реагировать на меня: смотрел, но не видел; говорил, но обращался будто не ко мне. В какой-то момент его чувство отчаяния передалось и мне, и я поняла, что готова на что угодно, лишь бы прекратить наше взаимное несчастье. Я уже не знала, как ему помочь. В свою последнюю неделю он лежал на кровати и слушал сутками «Don't Fear The Reaper» группы Blue Yster Cult. Я была так зла на него. Моя собственная обида казалась мне

важнее его проблемы. Если бы я тогда открыла глаза, то заметила бы, что теряю его. Когда я ненадолго ушла, он вспомнил мою старую шутку. Пистолет, оказывается, уже давно был с ним. В общем, он выстрелил, и его не стало в один миг, а я здесь, с вами, в группе психологической поддержки. Надо же кому-то рассказать эту интересную историю.

Алиса замолчала и обвела группу остывшим взглядом. Все это вышло легко, без волнения и даже с какими-то живыми интонациями. Клара смотрела на нее с застывшей улыбкой, но это была просто гримаса. Она уже давно не улыбалась. Взгляды остальных выражали смесь легкого ужаса и сочувствия. Больше все-таки ужаса. Алиса опустила голову, разглядывая свои ноги, а затем в ее голове все сложилось само собой.

— На самом деле... Я не знаю, зачем сюда пришла, — в замешательстве добавила она непонятно к чему.

— Ты все правильно сделала, — быстро сказала Клара. — Это очень тяжелый опыт. С ним не справиться в одиночку. Более того, я хотела бы поговорить с тобой наедине и дать кое-какие рекомендации...

— Да я дверью ошиблась, — устало ответила Алиса, и это прозвучало как неумная шутка. — Спасибо, мне ничего не надо.

Клара попыталась что-то возразить, но Алиса быстро вышла из аудитории. Это не ее место. Да еще половина этой группы — студенты, значит, ее «интересную историю» растреплют остальным. Легче от этого совсем не стало. Дернул же черт искать утешения в групповой терапии...

Когда Алиса вышла из своего транса, она обнаружила себя в автобусе, везшем ее к окраине города. Конечная, кладбище и знакомая гравировка на каменной стене:

«Здесь спит любовь».

С момента похорон почти ничего не поменялось. У креста лежал венок из роз от его матери и букет белых лилий — от нее. Все цветы завяли.

«Никто к тебе не приходит, Якоб. Потому что у тебя почти никого не было. Ты ушел так же, как и пришел в этот мир, — налегке».

Ей хотелось лечь и послушать землю. Казалось, что он все еще живет в лабиринте гробниц и неизведанных подземных траншей. Бежит себе где-то внизу, не разбирая дороги, как и при жизни...

«Господи, если ты есть, останови его уже. Приюти. Он никогда не обретет покоя, а значит, и я тоже».

Бог молчал, но слова только множились. Их было уже не сдержать.

Алиса достала из сумки тетрадь и начала писать то, что хотела ему сказать все это время, но не знала, как повернуть время вспять, чтобы ее мысли нашли его. Сейчас способ подсказал себя сам.

Это был первый шаг к бесконечному искуплению.

«Однажды ты спросил: если это все-таки случится, смогу ли я последовать за тобой? Я сказала, что не допущу твоей смерти, но на вопрос, по сути, так и не ответила. Теперь собственные слова кажутся мне умышленным враньем. В глубине души мы все-таки оба знали, что из нас двоих умрешь только ты. Мы никогда не были единым целым, хотя очень хотели в это верить.

Самый ужасный момент наступил не тогда, когда я увидела тебя на полу. И не когда гроб с твоим телом опускали в землю. Хуже всего — мое непонимание твоих мотивов, пришедшее много позже твоей смерти. Я всегда оправдывала твою одержимость смертью твоей болезнью, но теперь испуганно спрашиваю себя — что, если ты действительно этого хотел?

Пистолет или нож — это серьезная дилемма. Если бы я знала, как пожалею о своих неосторожных словах, то выбрала бы за тебя нож. С текущей кровью еще можно договориться, а пистолет решает твою судьбу, как только ты нажимаешь на курок.

Так что мы не просто наломали дров, мы лес вырубili.

Послушай меня, да, ты послушай, ибо только ты и говоришь в моей голове. Я не пойду следом. За это тоже прости.

Но я знаю, что ты по-прежнему во мне нуждаешься. Я чувствую тебя. Ты все еще где-то рядом, Якоб. Смерть — это все-таки не выход».

— Ты безжалостен, — был вердикт человека с разноцветными глазами.

Его партнер по игре поднял на него тяжелый, темный взгляд, в котором застыло время. Тонкая прорезь рта приняла причудливую форму: он улыбался. Он умел, но делал это крайне редко.

— Хороший учитель не всегда должен гладить по голове своего талантливому ученика.

— И то верно. Всыпь ученику палок, чтобы он потом разогнуться не мог и твою школу за километр обходил.

— Ты знаешь, как я играю, Дэвид. Ты сам захотел принять участие.

Гетерохромные глаза Дэвида вспыхнули непонятым весельем.

— Я тебя переиграю, Танатос. Ты ничего не знаешь о жизни.

— А ты ничего не знаешь о смерти, хоть и умер.

Дэвид и Танатос смотрели друг на друга, словно упражняясь в силе взгляда, и затем снова перевели взоры на игральную доску. С начала их партии сдвинулась всего пара фигур.

— Поэтому я — доказательство того, что смерти нет, — пожал плечами Дэвид. — Извини, если обидел.

— Ну, какой твой ход? — добродушно ухмыльнулся Танатос.

Глаза Дэвида стрельнули искрами, и он триумфально улыбнулся ему, явно что-то предвкушая.

— Я думаю, нам нужна новая фигура в этой игре.

Доска вдруг стала больше. И на стороне Дэвида возникла еще одна фигура, отличающаяся от других цветом и формой, будучи белой и высокой. Она плавно переместилась к середине доски.

— Я отправляю своего лучшего гонца, видишь? — тихо спросил Дэвид.

— Ко мне приходят все: короли, гонцы, шуты, — размеренно отозвался Танатос.

Он никогда не убеждал, просто констатировал факт. Да с ним никто и не спорил. Кроме Дэвида.

Похоже, эта игра будет долгой.

We built this tomb together; I will fill it alone.

Мы построили эту гробницу вместе; я заполню ее в одиночестве.

Marylin Manson «If I Was Your Vampire»

Глава вторая

Дьявол всех сердец

Три года спустя

Они его любили.

О, как же эти девочки любили его.

Даже так: они его боготворили.

Собирали постеры с его изображением, раз за разом прокручивали его песни. До тех пор, пока у плеера не садилась батарейка, а сами они не теряли сознание. До последнего вздоха, до дрожи в коленках они любили его томное лицо с абсентовыми глазами, озаренными пламенем потусторонних чувств.

Они любили его длинные волосы, татуировки в стиле блэкворк[2 - Блэкворк — стиль татуирования, в котором доминирующим является черный цвет.] и торчащие косточки. Любили даже его алкоголизм. И миллионы девочек, девушек, женщин со всего земного шара с придыханием произносили это священное имя — Люк Янсен.

Чем же этот юнец, сверкающий по всем каналам своей белой безволосой грудью, так им полюбился?

Хотя это как раз объяснялось легко: он все-таки был красив. Но не как другие мужчины. Темная подводка и утонченность черт размывали его принадлежность к какому-либо полу. Болезненная эротичность привлекала миллионы юных сердец, так жаждущих любви.

В общем, Люка хотели женщины и геи любого возраста.

«Вот он, секс-символ, которого готика ждала после смерти Брэндона Ли![3 - Брэндон Ли — известный актер, погибший при съемках фильма «Ворон».]» — кричали о нем критики.

К своим двадцати восьми годам Люк Янсен воплотил в себе все пороки и добродетели, неподдельную боль, настоящую трагедию и даже истинную любовь.

Казалось, о нем уже было известно все.

Мать — американка, отец — швейцарец. Плод любви ипохондрички и интроверта, он не унаследовал от них ровным счетом ничего, а талант, видать, от бога упал.

Поздний ребенок, испорченный ребенок.

С детства писал трагичные мелодии и разбирался в печали лучше, чем в математике. Окончив школу, уехал в Берлин, чтобы покорить своим роковым баритоном весь мир.

Вообще-то Люк был с группой, которую экспромтом сколотил в тринадцать лет. Но остальных членов этого коллектива, играющего готический хэви-метал, воспринимали как спокойный фон, на котором можно бесконечно любоваться голым торсом фронтмена.

Известно, что первая и главная любовь его жизни трагически скончалась. Может, поэтому он пересидел на всевозможной наркоте, но нашел в себе силы, чтобы завязать. Считает, что истинная красота заключается в трагедии. Воспевает смерть, секс и вечную любовь.

Все мелодии были пронизаны печалью, а его голос периодически искренне срывался. Лирика изобиловала цитатами из Библии и какими-то мутными отсылками к Шарлю Бодлеру, мелькали и мотивы легкой некрофилии, но готов в этом не упрекают.

Говорят, Люк спал в гробу и любил гулять по кладбищам. Возможно, встречался с датской рок-певицей Азазель (папарацци ловили их пару раз на прогулках в темных очках). Не гнушался спать и с фанатками, но дозированно.

Поклонницы без устали караулили Люка у отелей, концертных залов и даже у забора его дома. Сублимировали и строчили о своем кумире эротические фанфики. На экранах и постерах он казался таким прекрасным, одиноким — и одновременно развратным и порочным... таким... таким... На этой ноте фанатки издавали писк и закатывали глаза в обрамлении черной подводки.

Его навязчивый зеленый взгляд преследовал с каждого билборда и призывал вас стать частью его летаргического культа.

Люк стал самопровозглашенной истиной, обещанием, данным на века, и самой пленительной загадкой.

Был ли он пастырем нового поколения или же очередной прихотью моды?

Фанатки об этом не задумывались — и правильно делали. Они просто восхищались им, свято веря, что в один прекрасный день они встретятся. И каждая из них надеялась, что именно она излечит его разбитое сердце и страдающую душу, станет для него ангелом любви, милосердия и преданности.

Люк загадочно усмехался с постера. Зеленые глаза обещали искушение, разврат и любовь. Вот она, дефиниция современного de profundis[4 - De profundis (лат.) — из глубины, из бездны.].

Это была икона Оли. Под ней даже горели три черные свечи.

Она вздохнула, чувствуя, как внутри что-то тревожно дрожит, вот-вот норовя сорваться. В душе словно натянули невидимые струны, и было невыносимо хранить в себе это чувство — любовь.

Завтра.

Она обводила этот день в календаре, пока бумага с треском не порвалась, а маркер не ткнулся в стену. Когда месяц назад она заполняла бланк для участия в этом дурацком конкурсе, то надеялась хотя бы выиграть футболку с логотипом Inferno № 6 и фото с его автографом. Но судьба оказалась как никогда великодушной в тот день и преподнесла ей лучший дар за все двадцать три года ее жизни: два билета на его концерт в Берлине, а после — ужин.

С ним. В его особняке.

Об этом мечтают миллионы его поклонниц, а получила этот шанс она. В мироздании у нее определенно есть покровитель. Присутствие какого-то неумолимого рока ощущалось кожей. Всю жизнь она искала мужчину с темной стороны Луны. Так что это судьба.

В голове уже давно жили упоительные, тщеславные картины их совместного будущего. Вот они идут по какой-то красной дорожке и на них направлены все камеры... Несмолкающие щелчки, слепящие вспышки, крики, вопросы, микрофоны и... они, спокойно стоящие посреди этого хаоса и крепко держащиеся за руки.

«Мы будем носить только черное и никому не скажем, что между нами происходит. Но при этом везде будем появляться вдвоем!»

Другие фанатки при виде них от зависти выпьют свои пузырьки с лаком!

В голове Оли не было реалистичных тормозов, вернее, их напрочь снесло от эйфории. Ведь каждая из армии фанаток Люка Янсена ждала, что однажды именно ее пригласят в его мир изысканной печали.

Оля была одной из миллионов, которой повезло раскрутить барабан удачи.

Оля из множества других Оль, живущих в ритмах его музыки. Еще будучи подростком, она погрузилась в готику, которую на родине часто рифмовали с сатанизмом. Это стало частью ее повседневности — корсеты, черная помада, пентаграммы. Средства стилизации впечатляли, и прообразы себя находились в контрастах между черным и белым, жизнью и смертью.

В школе она изучала немецкий, и было решено учиться в Германии. Так, отучившись один курс на юрфаке в Москве, Оля очутилась в андерграундном Берлине, где наконец-то влилась в настоящую «темную сцену». Масштабные фестивали, готик-пати, каких на родине никогда не видали, европейский декаданс... Это поглотило ее с головой. Здесь она стала частью особого круга и приобщилась к настоящей эстетике. Дома же готы являлись разновидностью гопников, только водку пили не в подворотнях, а на кладбищах.

Имя в паспорте Ольга при первой же возможности вознамерилась поменять на Хельгу.

И все это оказалось не напрасно. Она пришла к кульминации, и у нее были глаза цвета абсента.

Происходящее, кроме шуток, походило на сказку. Перед простушкой внезапно остановилась позолоченная карета принца, и оттуда приглашающе высунулась чья-то рука.

Оля искала в этом некую причинность. Может, потому что она — не как те бешеные фанатки, которые швыряются в него стрингами? Люк для нее — воздух, и... Боже, ты, наверное, все-таки женщина, раз создал такого мужчину!

В такой упоительной дреме прошел целый месяц до заветного концерта и судьбоносного ужина.

Оставался один нерешенный вопрос, который она оттягивала по максимуму, но дольше уже было нельзя. И только относительно этого еще варили мозги.

Имелась проблема, которую в своем воображении она раскрутила до размеров катастрофы. Ею была она сама. В незнакомой среде изо рта лилась какая-то чушь, бойкость на нервах начинала отдавать военными действиями, а не приятной энергичностью.

«Милая, кого волнует твой акцент, если он завалит тебя в свою койку-гроб?» — вещал голос разума, но он был бессилен перед комплексами.

Месяц назад, когда эта встреча была лишь приятным туманным будущим, все, казалось, идет своим чередом. Но чем ближе становился момент их свидания, тем серьезнее она переживала из-за того, что ведет себя как слон в посудной лавке. Вот если бы кто-то мягко тормозил ее тычком или кивком, когда она начнет пороть чушь...

Решение подсказали ее же билеты с пометкой «Суперприз». Можно было загнать один перед концертом за бешеные деньги, но это означало, что и к Люку она придет вместе с потенциальной соперницей. Ее женская мнительность уже нарисовала в воображении конкуренцию с нахрапистой немкой или ушлой испанкой.

«Нужен свой человек, предсказуемый и управляемый!»

Подруга, которая от него не тащится и на чьем фоне Оля смогла бы легко адаптироваться, а затем отправить ту домой. Она решительно отмела девочек из своего фан-клуба «Инфернальные Волчицы», ибо они — армия дурочек с никами «Невеста Люка» или Inferno 666. После нехитрой математики осталась одна кандидатка — лесбиянка, знакомая по готик-вечеринкам, поэтому можно не волноваться, что она отобьет у нее Люка. Но она уехала на неделю, а больше «безопасных» подруг не было.

Или все-таки... была?

Оставался лишь один номер в записной книжке, который не очень-то хотелось набирать.

Потому что ответила бы Алиса.

Приехав, Оля случайно узнала, что на одном из ее семинаров есть какая-то русскоговорящая, и надо было заполучить ее. Свои должны держаться вместе, считала она.

То, что она нашла, никак не выглядело своим. Определить национальность Алисы не удавалось: в ней словно проступали черты нескольких этносов сразу, но ни одного — отчетливо. В блеклых, на первый взгляд, чертах вдруг могло прорезаться что-то чуть ли не шаманское. Это впечатление создавали острые, угловатые скулы и темные волосы до самой поясницы.

Акцента на немецком у Алисы не было, и, как выяснилось, она родилась и выросла в Германии, в семье мигрантов. По-русски действительно говорила, но как-то ломано и искусственно деля слова.

«Мама из России, — лаконично пояснила она. — Вышла замуж и переехала сюда».

А отец, судя по экзотической внешности, даже немцем не был. Ее знакомая напоминала кусок айсберга, который дрейфовал в море до тех пор, пока его не прибило к случайному берегу. На ней стояла печать в форме вопросительного

знака.

Но тогда выбирать не приходилось, и Оля в своей привычной манере насела с вопросами об университете и городе.

Алиса выдала ей развернутую справку, но участия не проявила и дружеского плеча не подставила. О себе не говорила вообще, от посиделок отказалась. Ее помощь походила на обслуживание роботом-андроидом.

В общем, Алиса ей не понравилась. И после того семестра, когда девушки посещали один семинар, по учебе они больше не пересекались. Иногда виделись в столовой и библиотеке, и уже позже пара знакомых кое-что нашептала.

Во-первых, почти ни с кем не общается.

Во-вторых, ее парень пристрелил себя из пистолета у нее на глазах. Так говорили.

В-третьих, ходили слухи, что она шастает по кладбищам, черт ее знает зачем.

Последние два пункта сами образовали тревожную связку. Между эстетствующей готкой и какой-нибудь крезанутой сатанисткой имелась существенная разница. И дело уже не в блэк-метале.

Однако больше всего Олю отталкивало непонимание ее сути, что не слишком вязалось с планом получить управляемый девчачий бэкап для разгона свидания.

«Но ты уверена, что в одиночку сможешь развлекать такого человека, как Люк Янсен?» — спросила она саму себя.

В конце концов, наверняка Алиса не более безумна, чем другие люди.

В ухо уже лились тягучие гудки, которые казались бесконечными. Трубку сняли не сразу, создавалось впечатление, будто достучаться до Алисы — все равно что звонить на тот свет. Когда Оля уже практически растворилась в монотонности гудков, в наушниках вдруг ясно прозвучало:

— Слушаю.

— Привет, Алиса! Это Хельга!

Ответная реакция была обескураживающей:

— Кто?

— Ну, Оля. Мы же вместе были на медицинском праве...

— А, да. Помню, — с небольшой задержкой ответила она. — Тогда привет.

— Ты сейчас где? — деловито спросила Оля.

— На работе.

Алиса была почти готовым медиком в одиннадцатом семестре, но лечить никого не собиралась. Оля знала, что она выбрала себе профиль «патологическая анатомия» и даже уже работала ассистентом в институте судебной медицины.

— Ну, как ведут себя жмурики?

— Нормально. Вчера привезли двух мужчин. У обоих прострелен висок, но смерть наступила от отравления газом, пропаном. Это значит, что головы им прострелили уже потом, когда они задохнулись. Любопытно, не находишь?

— Очень, — слушавила Оля, едва слушая ее. На языке вертелась неудобная и стыдная просьба, и она в итоге метнула ее как гранату. — Слушай, ты свободна через два дня, часов в шесть?

— А ты хочешь сделать мне предложение, от которого я не смогу отказаться?

— Ну, ты же знаешь, что я выиграла билет на концерт Люка Янсена?

Она так орала в тот день на весь универ, что невозможно было остаться непричастным к такому счастью.

— Нет. Но ты только что об этом сообщила.

От Алисы всегда несло каким-то едким буквализмом.

— Хоть Люка Янсена ты знаешь?

— Это тот, что поет сейчас на каждом канале?

— Да, это он, — поджала губы Оля, слегка покоробленная ее упрощенным восприятием божественного фронтмена. — Через два дня Люк со своей группой Inferno № 6 выступает в «Олимпии», а потом у меня с ним ужин в его особняке. Ты нужна мне на один вечер. Очень-очень!

— Без обид, но у меня дел по горло.

— Алиса, ну пожалуйста. Один вечер. Посуди сама: ты получаешь халявный билет, болтаешь с самым красивым мужчиной на свете и потом идешь домой. Ты даже ляжешь спать вовремя.

— А почему я? — резонно спросила Алиса и добавила с потрясающей прямоотой:
— Мы ведь даже не подружки.

— Прошу тебя! — Голос Оли внезапно наполнился внушительной силой. — Это мой шанс, но я не смогу одна поначалу. Побудь там лишь чуть-чуть. Пожалуйста. Надо поддерживать беседу какое-то время, и если меня вдруг понесет куда-то, толкни или подмигни, чтобы я поняла. Я... я... заплачу тебе.

Повисло молчание, в полной мере вобравшее в себя безумие влюбленной девушки. И Алиса не могла этого не почувствовать.

— Ну... ладно, — чуть ли не со скрипом ответила она. — Если это так уж необходимо... хорошо, я помогу тебе. Бесплатно.

— Ты будешь со мной?

— Обещаю болтаться рядом.

— И заполнишь паузы, если они возникнут?

— Чем именно?

— Ну уж придумай. Расскажи чуток о себе, отвесь комплимент его музыке, скажи, какая я классная... Немного движухи.

Последнее слово отлично вязалось с Алисой.

— Хорошо, — прозвучало безо всякого энтузиазма.

— Отлично, я заеду за тобой ближе к семи, — радостно провизжала Оля, у которой камень с души свалился.

Алиса приходила после обеда. Три года подряд по субботам она неизменно приезжала на кладбище и ныряла в блуждающие тени главной аллеи. Сквозь листву над ее головой мерцали звездочки света, мягко шелестел ветер. Солнце по-прежнему светило всем на этой земле, но с ее приходом его точно становилось меньше.

Ее шаги были быстрыми и бесшумными. Вскоре она скрывалась за огромными деревьями, охраняющими ее мрачную тайну, и становилось еще тише.

«Здесь спит Любовь», — каждый раз издевательски шептала витиеватая надпись над воротами.

Она уже знала это кладбище и его обитателей как свои пять пальцев. Приветствовала про себя каждого плачущего ангела, пересчитывала надгробия.

Имена и даты, памятники и венки — вот и все, что тут имелось. Ни бога, ни дьявола не было и в помине.

Петляя меж чужих надгробных плит, Алиса пробиралась к могиле, за три года ставшей ее собственной.

Знакомый крест из белого камня с молчаливым равнодушием выглядывал из-за живой изгороди.

Якоб Радке

Пусть ангелы ведут тебя даже там, где нет Бога.

Пусть они сохраняют твою юность и доброе сердце.

Плавно она опускалась на скамейку напротив, молчаливо приветствуя того, кто оставил ей этот мир. Смерть Якоба походила на странный дар.

«Держи, Алиса. Это жизнь без меня, которую ты выбрала. Так почему ты ею не наслаждаешься? Ты же хотела все закончить...»

Она уже не знала, звучал ли в голове голос совести, принявший его облик, или же это был сам Якоб. Несмолкающий. Укоряющий. Зовущий ее, даже когда она сюда не приходила.

Где-то заливался жаворонок. Его пронзительная трель расколола небосвод, и в это мгновение весь мир сузился до белого креста, а буквы на камне прожгли сознание.

«Якоб...» «Ангелы...» «Там, где нет Бога...»

Казалось, что перед ней ребус и его надо решить, выявив ключевые элементы.

Якоб там, где нет Бога.

«Это ты хочешь сказать мне с того света?»

Гравировку сделали по желанию матери, потому что священник не разрешил хоронить его по католическим традициям, ведь он — самоубийца. Так что это

стало ее последним напутствием.

Раз за разом Алиса вскрывала каждое написанное слово, ища в нем новый смысл.

Юность. Да, он был молод. В двадцать три года все должно быть прекрасно, как в первый день творения. Многие думают, что в этом возрасте смерти не существует.

Доброе сердце. Алиса могла запросто рассказать, что такое сердце. Фиброзно-мышечный орган, обеспечивающий ток крови по кровеносным сосудам.

Был ли он добр? Возможно. В любом случае Якоб не был злым. Скорее, потерянным и одиноким.

«Он никогда не был дурным человеком, — всегда хотела сказать Алиса его родителям, для которых поступок сына оказался жестоким и подлым ударом. — И плох тот Бог, который наказывает одиноких, сломленных людей не только при жизни, но и после смерти, если ваш ад — правда. Такой Бог не заслуживает веры».

Так что хранить? Ни молодости, ни доброго сердца. Ни человека, ни следа. Все ушло в землю, впиталось, как вода, и теперь здесь растет трава.

«Не там ты меня ищешь, Алиса. Неправильно ты меня зовешь».

«А как, Якоб? Скажи, и я сделаю».

«Найди меня. Поймай, пока не поздно. Это ты отправила меня лететь вниз в одиночестве. И я все еще в полете, Алиса. Я так и не приземлился...»

Жаворонок замолк, и небо не рухнуло. Якоб в ее голове тоже замолчал. Над кладбищем воцарилась всепоглощающая тишина.

Знать бы еще, где искать мертвого. Умом она понимала, что вместо этого надо встать и уйти отсюда, но завершать — это то, чему она так и не научилась. На ней, как клеймо, нарушенное обещание, походящее на открытую,

незаживающую рану. В мире после Якоба не было свободы, а вокруг запястья сама свилась новая цепь, которая вела к его могиле.

Алиса достала из сумки учебник и погрузилась в чтение.

Якоб в этот раз воздержался от комментариев.

«Наверное, мне надо было стать писателем. Чтобы я это осознала, тебе пришлось умереть. Мы все — рассказчики историй, своих и чужих. Но мало кто рассказывает их вслух.

Знал ли ты, что самое сильное влияние на меня в детстве оказали сказки? Прялки, розы и говорящие жабы не на шутку вскружили голову. Пряничные домики стали навязчивой идеей. Гномы и великаны рвались из головы в реальную жизнь. Полночь стала самым важным детерминантом, в котором трансформировались время и пространство. И никто не уходил навсегда. Хорошие воскресали, плохие танцевали в раскаленных башмачках.

С тех пор так ничего в моей голове и не поменялось. С годами я стала мрачнее и сказала себе, что все хорошие истории должны начинаться и заканчиваться на кладбище, и так произвольно написала историю своей жизни.

Мои письма к тебе — это тоже сказки, которые надо читать, чтобы напугать до чертиков. Мы с тобой пожизненно застряли в каком-то плохом ремейке “Спящей красавицы”. Ты спишь уже давно, а я — та, кто целует скелет в надежде, что он снова обрстет плотью и кожей.

В последнее время я думаю больше о том, почему пишу тебе, а не о тебе самом.

Потому что недавно поймала себя на мысли, что никогда не была так несчастлива. Я хочу вернуть тебя, но это невозможно. Еще сильнее я хочу найти в себе силы не приходить сюда. Ты еще здесь, Якоб? Это ты меня держишь или я — тебя? Если я встану и уйду, то что найду за твоей могилой? Куда бы я ни шла, я возвращаюсь к ней. Обвинить бы тебя во всем, но вместо этого я пытаюсь заслужить твое прощение.

Да ни при чем ты уже.

Кажется, я просто крупно встряла.

И, похоже, это уже только моя вина».

Люк Янсен готовился к концерту. Подготовка заключалась в том, что он, развалившись на диване, потягивал вино, курил сигарету за сигаретой и болтал с Анри, своим продюсером и лучшим другом в одном лице.

— Не забудь, сегодня после концерта тебя еще ждет победительница конкурса «Инфернальная встреча» Хельга Сивакова. Я не звоню Крису, будем считать, что цыпочка на сегодня у тебя есть? Надеюсь, она не такая жирная, как та...

— Мне без разницы, — лениво протянул Люк, сминая сигарету в пепельнице, где уже и так возвышалась гора окурков. — Что за идиотская идея устраивать встречи сразу после концерта?

— Потому что мы — фабрика гребаных чудес для твоих фанаток. Для того чтобы уверовали все, достаточно одной. Ты знаешь этот трюк: цыпа придет к тебе сразу после твоего шоу, в рамках конкурса, ты переспишь с ней — и угадай, что она сделает?

— Займется сталкингом. И мне придется сменить имя, внешность и попроситься в какую-нибудь программу по защите жертв общественного домогательства. Если такая вообще есть...

Указательный палец Анри взвился вверх и укоризненно дернулся.

— Возможно, но сначала она запостит во всех социальных сетях свой романтический вопль о том, что ты — достигаемый и реальный. Может, сольет в инстаграм, как она лежит на твоём татуированном плече. И миллионы других фанаток будут верить, надеяться, участвовать в конкурсах наших партнеров, и мы купим их лояльность еще на пару лет вперед. А также активнее налетят на

весь мерчандайз Inferno № 6, который мы привяжем к следующим конкурсам. Спать с каждой победительницей необязательно. Но один выстрел должен быть точно в цель. Понимаешь мой расчет? Это будет живая реклама!

Люк чертыхнулся от такой извращенной стратегии повышения продаж. Анри же укоризненно наблюдал за его унылым лицом.

— И будь с ней вежлив. Ты обязан этим чикулям очень многим.

В ответ донесся протяжный стон. Анри поправил идеальный узел галстука и бросил со вздохом жалости:

— А если начистоту... и что эти бабы в тебе находят? Ты состоишь из одних костей, а поешь так, будто тебя в жопу ранили. При этом каждая из них представляет тебя в своих эротических фантазиях. Люк Янсен выползает из темноты и нежно перегрызает бретельку ее лифчика...

— Хочешь стать на мое место?

— Не могу, у меня жена.

На короткий миг Анри отвлекся, сосредоточенно рассматривая в большом настенном зеркале свои поры. Затем опять придирчиво поправил галстук и продолжил:

— Я мог бы, Люк. Ты же знаешь... У меня есть харизма. — Он бросил своему отражению самовлюбленный оскал. — Но Вера и так отслеживает меня через GPS-трекер, так что я пас... Кстати, из чего они делают этот крем?

И он окунул палец в тарелку с пирожными. Люк закатил глаза, швырнул в него пустым пластиковым стаканчиком, а затем ни с того ни с сего спросил:

— Когда ты в последний раз дрался?

Анри застыл над тарелкой, не убирая изо рта палец.

— Ну, лет в десять, — промычал он. — А что?

— Я бы тебе вмазал сейчас. За все твои нотации. Но мне та-а-ак лень.

Анри хохотнул.

— Лучше выщипай брови, принцесса.

Люк тоже громко рассмеялся, не выпуская из зубов сигареты, и взялся за игровую приставку.

— Принцесса хочет жрать. Притащи мне что-нибудь. Иначе я тебя уволю.

— Три ха-ха. Используй ножки. Холодильник напротив тебя.

Их привычная манера общения — подкол за подколом — стала настолько естественной, что они уже не помнили, чтобы когда-то разговаривали иначе. Вероятно, так было всегда.

На самом деле Люк пребывал в плохом настроении. То ли шутил, то ли огрызался. Глаза сами закрывались, и он хотел одного — проспать весь остаток своей жизни. Мир был омерзительным.

И его лучший друг Анри.

И его будни и концерты. Даже многочисленная армия фанаток.

Хотя нет, не даже. Они-то в первую очередь.

— Ты хуже нас всех, Анри. Ты расчетлив, как калькулятор, и никого не любишь, — процедил он, выпуская дым. — Даже свою жену. Даже своих детей. И меня тоже.

— Эй, вот не надо, пожалуйста! Я люблю их! И ты мне не сбоку припека! — машинально отбрил его продюсер.

Янсену было лень пререкаться. Он еще глубже уселся на диване, отчаянно барабаня пальцами по приставке. На экране рубились какие-то инопланетные

твари.

— Ладно, что у нас нынче в печати? — Анри присел в кресло и взял со стола кипу отобранных газет и журналов.

Бегло прошелся по заголовкам, просматривая статьи о Люке. Анри любил быть в курсе всего, что писали об Inferno № 6. С маниакальной дотошностью он регулярно сканировал прессу и торчал на фан-форумах — это являлось частью его работы. Но на самом деле он просто был въедливым и, раз начав, уже не мог остановиться.

— Так, тут снова пишут, что ты голубой...

— Полагаешь, мне надо сходить в солярий? — вяло пошутил Люк.

— Нет, думаю, солярий тут не поможет... Они пишут, что я с тобой целовался в ночном клубе! «Кто ближе всего к Люку Янсену? Только его продюсер!» И фотографии сфабриковали...

Люк демонически улыбнулся и выдал с притворным вздохом:

— Ах, Анри, пора уже сказать миру всю правду о нас...

— Не смешно! — истерично взвизгнул тот и запустил в него подушкой. — Меня Вера закопает после этой статьи.

Тиран на работе, дома Анри был типичным подкаблучником.

В ответ раздался загадочный звук. Это Люк на миг присосался к бутылке, а затем проворчал:

— Успокойся, я к тебе даже под кайфом не полезу.

— Ой, вот ты-то меня волнуешь больше всех, — огрызнулся Анри, буквально протыкая носом злосчастную фотографию.

— Круче слуха, что я — на самом деле женщина, пока еще не было. — Люк утер губы и снова откинулся на диван.

Анри уже едва слушал, шуруя в настройках своего смартфона.

— Алло, Петра, передай юристам пресс-ревью за сегодняшнее число, и пусть свяжутся с «Миром звезд», — гаркнул продюсер, придерживая выпадающий наушник телефона. — Я им устрою... Они скоро себе некрологи писать будут!

Люк закрыл глаза и погрузился в легкую дрему. Руки сами разжались, и игровая приставка плавно соскользнула на диван. Да пусть говорят, что он гей или что у него на стороне десять детей и он не платит никому из них алименты. Пусть он даже будет женщиной. Это свобода слова или нет?

В очередной раз его посетило ощущение дежавю.

Так ведь уже было. Стоял такой же весенний день, и они находились в турне. И вернулись в эту комнату или не в эту — неважно, они все похожи одна на другую. В каждой имеются большой диван, зеркало на полстены, валяются их вещи, стоит еда, выпивка, за окном слышится какой-то гул... Все сигареты дымятся одинаково, все повторяется снова по кругу, каждый раз.

Жизнь — это цикл бессмысленных действий.

Анри говорит. Он всегда говорит. Не с кем-то, так сам с собой. Вечно ругается, ведет беспощадную войну с газетами, журналами, организаторами и звукозаписывающими фирмами.

Нет, это невыносимо.

Люк открыл глаза. С плаката на противоположной стене на него уставился он сам, вальяжно развалившийся в гробу, с извечной сигаретой во рту и мрачным взглядом исподлобья.

Он везде — в любом доме, в каждом сердце.

Человек-загадка не считал себя тайной и не удивлялся своей популярности. Люк Янсен уже был мертв. Но умер он не в восемнадцать лет вместе с Сабриной. Смерть пришла чуть позже, когда, опустошенный этой потерей, он написал свои первые песни и они вывели его в мир дикой популярности.

Говорят, он вернул готику, воскресил ее. Из пафосной субкультуры, угасавшей под натиском незамысловатых хипстеров и истеричных постхардкорщиков, готика снова стала самым ярким андерграундным движением. С Люком случилось даже больше.

Это нью-готика.

Глэм-готика.

Мрак, спесь и высокая мода.

Элитная печаль, сошедшая с подиума, вобравшая в себя лучшее от Белы Лугоши, London After Midnight и Александра Маккуина[5 - Бела Лугоши — американский актер венгерского происхождения, известный по роли графа Дракулы в одноименном фильме 1931 года. London After Midnight («Лондон после полуночи») — американский немой художественный фильм ужасов, а также название группы в жанре готик-рок. Александр Маккуин — английский дизайнер модной одежды.].

И обретшая голос Люка Янсена.

Но кем он был на самом деле? По утрам, глядя в зеркало, Люк видел никчемного, бледного типа, который не узнавал самого себя. Совершенно точно, что он никому не желал добра и любил приложиться к бутылке.

Слава оказалась блужданием в лабиринте кривых зеркал, которые отражали черт знает что, и в итоге себя настоящего найти уже не можешь. Одно он знал точно: все видят лишь то, что хотят видеть. Это особенность человеческой натуры.

Он сказал, что Анри не любит ни жену, ни детей. Но сам Люк отлично понимал, что немногим от него отличается, и именно поэтому они до сих пор — лучшие

друзья.

Но раньше — и от этой мысли что-то тонкими лапками ползло вверх по позвоночнику — он любил, с юношеским отчаянием и сладкой болью. Он любил свою Сабрину, с которой началось все это: болезненное, ранящее вдохновение, глупая слава на почве трагедии и одиночество, ставшее темницей.

«В день твоей смерти меня кинули в колодец и задвинули крышку. Прошли годы, но я все еще в нем...»

...Давным-давно, Люк не имел ни трона, ни регалий. Он бы даже назвал себя деревенским дурачком — даром что жил в городе. У дурачка были любовь да гитара. Потом любовь умерла в реках собственной крови, и музыка превратилась в единственную отдушину. Сочиняя, Люк чувствовал, будто из него что-то выходило, и становилось чуть легче.

Так десять лет назад его крик услышал весь мир. Колонки магнитофонов наполнились его отчаянными песнями, в которых он переживал события тех дней снова и снова. Это был какой-то бесконечный плач по мертвой любви. Каждый справляется как может. Кто-то сказал, что истинный художник должен страдать, и от его беды заплакал весь мир. Вместе с ним умирали и воскресали миллионы людей, которые разделили его горе.

А затем потребовали еще. И он сумел превратить свою скорбь в искусство.

Итак, сказка про деревенского дурачка закончилась, и началась другая — про короля всех печалей.

Люк кричал в микрофон до боли в горле, вспоминая при этом мертвую Сабрину, кровь на пальцах, свой бессильный крик, когда она умирала, цепляясь за его футболку, как захлебывалась этой кровью, хрипела и плакала...

Смерть — это чертовски больно.

Смерть — это не романтично.

Вот правда, которую не опишешь ни одной песней. Но в этом вдруг обнаружился и источник ошеломляющей энергии, потянувшей за собой миллионы желающих быть частью чего-то прекрасного. Правда потонула в метафорах, и кто ее теперь найдет?..

Чем глубже была его боль, тем больше шипов выросло на короне владыки темной сцены. Поэтому неудивительно, что через год Люк стал популярен... И пуст.

Только сначала казалось, что его скорбь никогда не прекратится, это будет длиться годами, возможно, даже дольше, чем человеческая жизнь, ведь истинному горю нет меры. Оно простирается в бесконечную глубину. Но на место страданий пришли лишь тишина и пустота — две бесполые сестры, высушивающие жизнь, как цветок в засуху. И это оказалось страшнее всего, потому что невозможно все время кричать, как и плакать. Наступило временное затишье, давшее ему осознать одну важную вещь: Люк истратил себя, а время стерло и без того размытый образ Сабрины.

После ошеломительного успеха *Inferno* № 6 вдруг затихли. Барабанщик пытался лечиться от наркозависимости, у гитаристов были свои сольные проекты, что не помешало одному из них впасть в депрессию и провести год в психушке. Все они порядком опустились, разве что клавишник продержался нормально и даже открыл свой бар.

Люк болтался без дела. Ходил на отвязные вечеринки, спал со всеми подряд, пил так, что видел звезды даже днем... Это был своеобразный способ реабилитации. Так прошло еще три года из этих десяти.

«Знаешь, я никогда не думал, что что-то может вывернуть меня наизнанку...» — часто хотел он сказать Сабрине, и слова почти срывались с губ, а потом он оглядывался и понимал, что ее нет. Но привычка делиться с ней мыслями не прошла, а только выросла в него глубже.

Король всех печалей спился, и началась новая сказка — о доброй фее.

Люк вернулся в шоу-бизнес, потому что за дело взялся его лучший друг. Анри был родом из маленькой французской деревни у подножия Пиренеев, но в раннем детстве переехал с семьей под Цюрих и поселился неподалеку от

Янсена. Они сдружились, привлеченные собственными противоположностями. Анри был приземленным и деловым, Люк — мечтательным и оторванным от реальности.

Когда группа рванула на всю Европу, Анри рядом не было, он учился и работал в Америке. Но лучшие друзья действительно возвращаются тогда, когда в них нуждаешься. Он приехал, маленький засранец в дорогом костюме, зашел в его квартиру — и все стало ясно. Этот парень умел делать деньги на чем угодно. Так он стал делать их на Люке, а тот и не возражал. Что-то же, в принципе, надо было делать.

Взявшись за Inferno № 6, Анри амбициозно заявил, что доведет их до неба и даже Господь Бог будет любить их музыку. Но сначала требовался полнейший ребрендинг. Люк был самородком без дисциплины и коммерческого чутья, ему требовались рамки и заверченный публичный гештальт.

— Нет имиджа — нет денег. Нет денег — нет музыки, — вещал Анри, как заклинатель.

— Что мой имидж? — искренне не понимал тот.

— Смерть и ужас. Seriously.

— Но готы — это уже помои. Просто обсосы в фетиш-бутсах, — сопротивлялся Люк, все еще не веря, что возвращается.

— Тогда бутсы должны быть от Лабутена[6 - Кристиан Лабутен — французский дизайнер обуви.], — приказным тоном вещал Анри. — Я пробил тебе фотосессию в Interview Энди Уорхола[7 - Interview — популярный журнал, основанный художником Энди Уорхолом.]. Ты не представляешь, чего мне это стоило. Если мы не преподнесем твое возвращение в концепции нового времени, тебя уже ничто не реабилитирует.

— То есть меня надо просто переодеть в брендовые шмотки? — огрызнулся Люк.

— Сейчас готика — отмирающий андеграунд, ты прав. Избыток мейкапа, избыток страданий. Ты вписан в ложную систему смыслов. Мы перенесем тебя в

эксклюзивную роскошь, и тогда народ решит, что это модно. Верь мне: мир любит глазами, а у тебя гипнотичная рожица. Твоя музыка здесь вторична. Я делаю акцент на визуальной кампании, и график фотосетов и ивентов расписан на два месяца. Тебя не услышать должны, Люк, а увидеть. Стань новой идеей, идиолом, создай религию.

И все вышло, как хотел Анри. Его расчет оказался настолько точным, что даже не было сопротивления. Люди, подзабывшие его имя, приняли Люка как пилюлю. Массам всегда нужен поводырь. Анри удачно воткнул подкрашенного Янсена в идейный вакуум, воцарившийся в тот период в поп-культуре.

Из-за скверного чувства юмора он когда-то назвал свою группу по аналогии с известным парфюмом, ожидая, что это будет характеристикой его старомодной, нелепой музыки, пропитанной альдегидами, а оказалось, что он выражался в терминах будущего. Никто не догадался, что подражал он самому себе, только восемнадцатилетнему, но в более дорогой обертке. Так работал шоу-бизнес: берешь лежалый товар, крепишь на него дорогой бантик — и снова всем нравишься.

Алкорееабилитация прошла в течение полугода, а потом Люк записал еще один альбом, причем сам не понял, каким образом — видимо, на автомате. Но теперь он уже не был разгневанным Орфеем, бросающим вызов Смерти. С ней тягаться бесполезно, Эвридику никто возвращать не собирался, хоть оборачивайся, хоть нет. Вместо этого он стал лицом Inferno № 6. Боль превратилась в коммерцию, а мертвая любовь — в торговую марку.

Во всей этой кутерьме он пропустил момент, когда перестал вообще что-либо ощущать. Когда это произошло? Когда он спел о Сабрине все, что мог? Или когда с грехом пополам пережил те три года затишья, пытаюсь осознать, что же это все-таки было — ее смерть и его популярность на этой почве. Ответов не было. Люк вернулся уже другим, и теперь он делал свою работу.

Меньше чем через год вышел еще один альбом. Они все продолжали штамповать потусторонние хиты, хотя душевному состоянию Люка больше соответствовало бы молчание. Ему все меньше хотелось что-то сказать другим. Слова и ноты уже кончились. Началась бессмысленная репликация самого себя.

Это и был момент его смерти: когда музыка играла, но он уже не ассоциировал себя с ней.

Иногда Люк вспоминал, с чего все началось. С парня и девушки подле старого гаража. Он бренчал на гитаре и горланил что-то с серьезным видом, а она смеялась и шутливо хлопала. Если бы им тогда сказали, как именно закончится это незатейливое знакомство, они бы ни за что не поверили.

В памяти постоянно шло бессмысленное кадрирование прошлого. Диковатый взгляд Сабрины, улыбка полумесяцем и резкий смех. Говорят, они были даже внешне похожи, их часто принимали за брата и сестру — оба высокие, худые, с одинаковыми абсентовыми глазами. Глядя по утрам в зеркало, он видел в своем лице извечное напоминание о ней.

Часто по памяти он пытался написать ее портрет. И все безмолвно спрашивал: «Ты как там?» Но кто бы ему ответил? С каждым годом ему все труднее вспоминалось ее лицо. Фотографии не особенно помогали.

Ощущение ее пропало, а значит, все заканчивается.

Где же он сейчас, дурачок, ставший королем всех печалей? Куда бредет? Ради чего все делает?

Добрая фея превратила все тыквы в золото, а его самого — в кусок продаваемого дерьма. Она была алхимиком от бога, что и говорить.

В первый раз его альбом появился как стихийный ребенок, Люк даже сам не понял, как написал все песни. А теперь он наловчился делать мелодичные халтурки. Это оказалось несложно. Немного обновить аранжировку, обязательно минорное оформление, почаще срываться на крик, дать пару забористых гитарных соло. Когда совсем туго, подключить церковный хор на бэк-вокале.

И хоть бы кто крикнул: «Эй, да он это уже все когда-то спел!»

Но критики, словно ослепленные лихорадкой Inferno № 6, вопили об уникальности его музыки.

Фанаты зверели с каждым днем, преследуя его по пятам.

Тексты его песен стекали кроваво-красной краской по стенам домов и заборов в сотнях городов.

Люк незаслуженно превратился в икону тяжелой музыки, оккупировал и высокую моду, рекламируя темные очки, черные шмотки и горький парфюм, и даже умудрился между делом сняться в кино, сыграв секси-вампира (ну какой еще образ можно подсунуть гот-звезде?).

И ему захотелось остановиться, перестать штамповать бездарные музыкальные трагедии и закончить все эти сказки про дураков, королей и добрых фей из сферы постпродакшн. Но его существование подчинялось контракту, и у него не было другой жизни. Анри за эти годы стал ему настоящей мамашей, без его контроля все опять превратилось бы в ту помойку, в которой они сидели в период затишья.

Что же он будет делать после тридцати? Так же красить глаза и петь о любви и смерти?

А в сорок?

От одной мысли, что этот театр будет длиться еще много лет, Люк холодел и думал, что лучше ему тогда умереть чуть раньше, чем Иисус Христос.

Пресс-конференция, проходившая в банкетном зале «Ритц-Карлтоне», была в самом разгаре. Анри Реми, продюсер группы Inferno № 6, крутился на месте, иногда не давая звезде даже вставить слово.

Люк Янсен скучающе курил и лениво помалкивал. На его носу сидели огромные темные очки, скрывающие взгляд. То тут, то там мигали вспышки фотоаппаратов.

— ...один из самых крупных туров, которые когда-либо совершали Inferno № 6. В частности, группа впервые дала концерты в Японии, Китае и Тайване, — трещал

Анри со скоростью пулемета. — Все билеты были распроданы за полгода до концертов!

Слова. Факты. Цифры. Вырваться бы отсюда куда подальше.

От скуки и раздражения Люк разглядывал лица прессы. В какой-то момент взгляд выцепил приятную мордочку близко сидящей журналистки, которая робко пыталась задать вопрос, но ее в упор не замечали.

— Вы, пожалуйста, — ободряюще обратился к ней он, из легкой вредности заткнув Анри на полуслове.

Тот метнул на него сердитый взгляд, но промолчал.

— Люк, скажите, а почему вы всегда поете о смерти? Является ли это данью вашему прошлому? — чуть ли не по слогам выдала она, робея, как ребенок.

Вопрос на миллион баксов. Из года в год одно и то же. Посоветовать ей поднять архивы молодежных журналов за последние десять лет?

Или снисходительно полить пафосом?

Наверное, все же второе...

— Смерть — это, возможно, самое важное, с чем предстоит встретиться человеку, — сказал он, плавно поведя рукой с сигаретой. — Думаю, это особая точка, в которой получаешь резюме всей своей жизни. Что-то вычитается, что-то прибавляется. Решив это совершенное уравнение, вы постигнете смысл своего существования.

Ответ закли. Защелкали фотоаппараты.

— А что вы сами можете сказать о своей музыке?

В висках вдруг опасно застучало, и какой-то важный предохранитель в его голове бесшумно слетел. Когда дым рассеялся, с губ сорвались следующие слова:

— Тогда начистоту: если бы существовал термометр безвкусицы, я был бы критическим мериллом. Представляете: втыкаете этот термометр кому-то в задницу, и тот отображает — «Люк Янсен».

Лицо Анри нервно перекопилось, и он поспешно залопотал в микрофон:

— Люк весьма критично оценивает свою музыку и предпочитает не говорить о ней...

— Пойдите, пойдите! — включилась другая журналистка, из Bravo. — То есть вы обвиняете ваших же фанатов в плохом вкусе?

— Это была шутка, — ледяным тоном сообщил Анри, наклоняясь к микрофону.

— А как вы относитесь к мнению, что вы штампуете песни, а вся шумиха вокруг вас — всего лишь дань моде и грамотный пиар?

Даже не повернув головы, можно было сказать, что продюсер вспотел. От этого стало еще веселее. Люк обезоруживающе улыбнулся всем присутствующим и сверкнул поверх темных очков развеселыми зелеными глазами.

— Слава богу, это еще кто-то замечает... — был его ответ.

Воцарилась гробовая тишина, в которой кто-то придушенно пискнул. Кажется, Анри.

Но агрессивная журналистка вдруг некстати порозовела и сказала:

— Вы же не серьезно?

— Разве вы не знаете, что люди, спящие в гробу, всегда серьезны? — медленно начал Люк и погасил свою улыбку так же внезапно, как и зажег. — Как бы то ни было, я не зря плачу деньги своей команде, тому же господину Реми. — Он радостно хлопнул зеленеющего продюсера по плечу, а затем невпопад продолжил: — Ясен пень, качество упало. Все это сплошное дерьмо, но хоть на пиво хватает. Расписаться вам на сиськах?

В зале слышались смешки. Последний вопрос был настолько неуместным, что корреспондентка впала в ступор, почему-то осмысливая его предложение. Продюсер обреченно закрыл лицо руками. А так хорошо все начиналось...

Журналисты вдруг уставились с каким-то нездоровым хищническим интересом, а Люк приглашающе улыбнулся.

И они словно очнулись от долгого сна. Вопросы и обвинения посыпались как из рога изобилия.

— Почему в ваших текстах присутствуют депрессивные или даже суицидальные мотивы?

— Вы понимаете, что оказываете на подростков пагубное влияние?

— Ваша популярность стабильна из года в год. Чем вы за нее платите?

— Своей печенью, — умудрился вставить он.

Вспышки слепили...

— Вам не кажется, что в вашем творчестве наступил кризис?

— Мне постоянно что-то кажется. Возможно, надо перестать пить... Кто знает, что я еще увижу?

— Значит, у вас снова проблемы с алкоголем?

— Люк, а что насчет наркотиков? Говорят, вы проходили реабилитацию...

— Все-то вы знаете!

Они по-рыбьи открыли рты, и их физиономии покраснели. Ох, что после сегодняшнего понапишут...

«Вот что вы на самом деле думаете. Вот что на ваших языках. Вы просто ждали повода, чтобы спросить. Ну, я вам тогда отвечу».

— Вы не уважаете свою музыку и не очень-то, судя по всему, цените фанатов. Не боитесь так профукать их лояльность? — спросил еще какой-то корреспондент.

Но его тут же перебил другой:

— Не кажется ли вам, что ваш образ страдающего вампира уже не актуален?

— Какую из современных рок-групп вы можете назвать своей достойной заменой?

— Никакую. К сожалению, другие тоже играют дерьмо, — снова ляпнул он. — Слышали, коллеги? Вы все лабаετε жуткий отстой, потому что копируете меня! Выражаясь математически, вы — дерьмо в квадрате, а может, даже в кубе!

Анри на полном серьезе попытался отодвинуть Люка от микрофона, но тот вцепился в него намертво, с удовольствием ожидая возможности выстрелить очередным провокационным ответом.

— Вы ругаете собственную музыку из кокетства или таким образом у вас выражается комплекс неполноценности?

В его глазах запрыгали чертовы искорки, а губы подрагивали. Он сдерживался, чтобы не засмеяться во весь голос. Анри менялся в лице, как хамелеон, и наконец подал кому-то знак.

Микрофоны просто вырубили.

Сам продюсер вскочил с места и истерично провыл:

— Конференция закончена, всем спасибо! Люку надо готовиться к концерту!

И он шустро вытолкал его прочь, а тот уже и не сопротивлялся — видно, наскучило. Фотографы помчались следом, ослепляя друг друга вспышками, и Люк на миг застыл в дверях, послав им очередную дьявольскую улыбку. В его

лице промелькнуло что-то пронзительное и незабываемое.

Двери гулко захлопнулись, и воцарилась разочарованная тишина. Только кто-то все еще щелкал непонятно что, видимо, на автомате.

Журналисты могли ругать Люка, но камеры любили его и не хотели отпускать.

За закрытыми дверями все стало по-другому.

— Да что ты за задница такая?!

Глаза Анри посверкивали от бешенства, а губы превратились в нить. Вот это отмочил! Молодец, нечего сказать! Под конец ему просто хотелось воткнуть кляп в хохочущую пасть Янсена.

— Я задница? Ну спасибо! — довольно спокойно отреагировал Люк.

— Да пожалуйста! Что ты нес?! Мы так договаривались? Эпатаж должен быть только по договоренности. Просто ты пользуешься доверием и нашей дружбой! Потому что я тебя щажу, а другие продюсеры влепят своим звездочкам такой гайдлайн перед конференциями, что те пикнуть без их ведома боятся! Ты хочешь этого? Да? Ну скажи! Хочешь, чтобы я вписывал тебе нормы поведения в контракт и штрафовал? Я могу это сделать. Только тебе же хуже будет, кретин! А про меня вообще ни слова не должно быть, я просто организую твоё творчество! Успокаивает, что стадо девочек уже раскупило все билеты твоего тура, и вряд ли они передумают.

Люк только закатил глаза, пропустив гневный монолог Анри мимо ушей. Но видеть его таким разозленным было все-таки приятно. Тот думал, что лошадка смирная, а она вдруг машет копытами.

— А ты заметил, что у нас впервые были новые вопросы?

Анри утер вспотевший лоб и сказал уже чуть спокойнее:

— И чему ты радуешься? Пресса любит нас все меньше. Не надо ее провоцировать! Это волк, и он сожрет тебя, как только ты покажешь свое мягкое брюшко.

— Я пошутил. Я что, уже и пошутить не могу? Внеси и этот пункт в контракт, — миролюбиво предложил Люк.

Ох, зря он это сказал. От этого Анри снова взвился как пружина.

— Да что это было, нахрен?! Тебе скучно? Ты обдолбанный? Кто, блин, в тебя вселился? Про бухло вообще почему заговорил?!

Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь слабым гудением ламп на потолке. Люк и Анри замерли друг против друга, в воздухе искрились маленькие молнии. Пауза затягивалась, и между друзьями впервые обозначилось нешуточное противостояние.

— Ты мог сказать все сам, вообще не выпуская меня из номера, — наконец произнес Люк. — У тебя же столько легенд, буквально с пеленок я в твоём эпосе, как в дерьме...

— Не понимаю. Тебе что-то не нравится? — налившимися глазами уставился на него Анри.

— Я хочу завязать с музыкой, — прямо сказал Люк. — Надоело.

Фраза прозвучало несерьезно.

— Опять что-то курнул? Вот что... сдашь мне снова все тесты на наркоту, сразу после последнего концерта. Я понимаю, это турне просто выжало тебя. Нервы, да? Не-е-ервы...

— Какие нервы, я задолбался так жить! — вызверился Люк, и по коридору пронеслась дорожка эха.

Воцарилась неприятная тишина, с потрохами выдающая истинное положение вещей.

Анри смотрел на него, барабанил пальцами по стене, а затем решительно сказал:

— Нет, лучше даже завтра. Сходим к моему врачу, и он выпишет тебе пилюльки.

Он не слушал, никогда. Люк устало облокотился о стену, перестав в какое-то мгновение видеть Анри, да и вообще все.

— Я не могу постоянно говорить за тебя на интервью, потому что я — не ты! И если у тебя в руках микрофон, это не значит, что надо пороть херню, как пятилетка на табуретке... Больше никакого выпендрежа! Как ты не понимаешь: вы уже не те Inferno № 6, какими были десять лет назад! — выдохнул вконец обессиленный от стресса Анри. — Когда ты пел в каких-то задрипанных клубах, а твой дебютный альбом стал успешным только потому, что все знали...

И он остановился на полуслове. Люк холодно сощурился.

— Что Сабрина умерла? — закончил он за него.

— Да! — решил не церемониться тот. — Но сейчас все по-другому. Ты на мегауровне! Это уже давно не твоя личная трагедия, ее больше нет! Нет, понимаешь?! Теперь это работа! Теперь это не только ты, но и мы!

Люк взирал на него ясными глазами, не говоря ни слова. Мысленно Анри проклял себя за то, что вообще упомянул ее имя. Он уже готов был попросить прощения, потому что эта тема всегда была у них под запретом.

Но Янсен все так же молчал, и продюсеру начинало казаться, что он совсем не знает, что происходит с ним на самом деле. А когда тот открыл рот, все оказалось еще хуже.

— Не думаю, что публику можно хоть чем-то удивить, после того как она решила, что я — гей, а ты... — рука Люка коварной змейкой обвилась вокруг талии Анри, — мой любовник!

— Янсен, ты спятил! — взревел Анри, уносясь вперед и оставляя покатывающегося от смеха Люка позади. — У тебя крышеснос!

Даже Сабрина для него уже — пустой звук. Этот парень стал просто неуправляемым.

Дэвид усмехнулся, глядя на белую фигуру, мигающую на доске тревожным светом. Она сияла как звезда, и этот свет был ему понятен. Дэвид многое знал о звездах. Он сам был одной из них на небосклоне. Но эта звезда трепетала в агонии.

Танатос же поглаживал черную королеву со своей странной улыбкой-grimасой, походя на ослабевшую ящерицу. Количество его фигур по-прежнему равнялось шестнадцати. Только Дэвид хотел менять издревле установленные правила, потому что привык идти против всех канонов. И фигур ему семнадцать подавай, и исход игры другой...

Да как угодно.

Танатос был вежливым хозяином, а Дэвид — одним из немногих гостей, чьей компанией он наслаждался и посему потакал ему.

— Выводи королеву, ты же хочешь, — заметил он, глядя, как узловатые пальцы Танатоса поглаживают резьбу на этой фигуре.

— Королева двигается, оставаясь на месте, — покачал головой тот. — Ты этого не видишь пока. И я бы на твоём месте поучился играть другими фигурами. Ставя на самых сильных, забываешь о том, что историю делают не те, на ком венец, а те, кто пал за него.

— В моём случае я вообще играю семнадцатой фигурой, которой не должно быть в шахматах. Так зачем мне придерживаться и других старых правил? — поднял брови Дэвид.

Его разные глаза помигали озорными вспышками. Он смеялся в лицо Танатосу, но тот все равно уважал его безумный выбор.

— И я верю в Люка, — заметил Дэвид. — Стервятники растащили его на куски, но он еще вспыхнет. Он всех удивит.

— В этом я не сомневаюсь.

— Ну а ты? Что ты будешь делать?

— Играть дальше, — последовал спокойный ответ Танатоса. — Ибо это для Королевы — вся наша игра и даже твоя семнадцатая фигура.

Дьявол преследует меня и днем и ночью,

потому что боится одиночества.

Франсис Пикабия

Глава третья

Кто живет в самом темном доме

Оля нервно стукнула по гудку уже в третий или четвертый раз.

После короткого телефонного разговора они с Алисой не виделись, только договорились, что Оля заедет за ней перед концертом, уже вечером. И вот она здесь, а эта отмороженная не торопится.

Через пятнадцать минут Алиса неспешно вышла из здания своего научного института. Чуть ли не пинками затолкав ее в салон, Оля на бешеной скорости понеслась по направлению к Олимпийскому стадиону, с риском прорываясь на зеленый свет.

— Осторожнее, — заметила Алиса. — Это же просто анархия в Германии!

Покосившись на нее с переднего сиденья, та буркнула:

— Плевать. Пусть штраф влепят и вообще права отберут. Сегодня — самый важный день в моей жизни. Кстати, могла бы сказать, и я привезла бы тебе из дома что-нибудь поприличнее из одежды.

Сама она втиснулась в кожаный корсет с металлическими вставками, а на бедрах лопалась мини-юбка с черепками. Алиса же была в джинсах и каком-то унылом свитере с капюшоном — так на концерты не ходят.

— Зачем? — поинтересовалась она. — Соблазнять его, кажется, собираешься ты, а не я.

— М-м-м.

Мозги были в кашу. Оля замолчала, чувствуя, что ее маленькая вселенная сжалась в крошечный предвкушающий комочек. Сегодня она состояла из сплошных нервов и про себя молилась непонятно кому, чтобы все получилось. Если нет, если... что-то пойдет не так, ее дальнейшее существование будет просто бессмысленным. Она не представляла себе жизни за чертой своих несостоявшихся планов.

Алиса уже успела разобраться, что ее знакомая — вечный тинейджер, которому постоянно надо быть частью какого-то массового культа, увенчанного безвкусным идиолом. Но поучать кого-то было не в ее стиле.

Также ей было не совсем ясно, как участвовать в предстоящем плане поддержки. Оля не дала никаких внятных инструкций, только стиснула ее руку до боли и припечатала: «Говори, если вдруг будет пауза!» Похоже, что однокурсница до жути боялась неловкого молчания. Но как ей объяснить, что Алиса жила в нем почти круглые сутки?

Мимоходом она перебрала кучу календариков и постеров на сиденье рядом с ней. Это лицо смотрело из каждой витрины и с каждого билборда вокруг. Только Алиса раньше думала, что это женщина.

— Это все на подпись, раздам подружкам... — невнятно сказала Оля и с еще большим остервенением принялась стучать по гудку. — Ну же! Что застрял? Езжай, слоупок!

Со всех плакатов на Алису глядел уже знакомый мрачный, полуголый... все-таки парень. На правой руке выбиты замысловатые шипы, а вокруг талии обвилась татуированная черная змея. И в довесок какая-то надпись на ребрах. Алиса сощурилась и разобрала буквы.

All I loved, I loved alone[8 - Все, что я любил, я любил в одиночестве.].

Эдгар По.

Ну что сказать: готичен от макушки до пят.

Обработанные фотошопом снимки не скрывали слегка неровного привкуса. Это едва уловимое несовершенство оставляло в его образе загадочную незавершенность.

Ее бывшая коллега просто обожала его. Алиса привыкла, что на протяжении полугода рядом был этот Люк, задавая сотрудникам морга темп работы и настроение. Но она не могла запомнить ни одной его песни. Они выпадали из памяти сразу после прослушивания.

— Правда он зайчик? — осведомилась Оля.

Ее вопрос уже содержал в себе верный ответ.

«Так и становятся подружками», — мрачно подумала Алиса, настороженно наблюдая за ней, но поддакивать не стала.

— Немного похож на Дэвида Боуи.

— Ой, замолчи! Боуи вообще уже умер! — закатила глаза Оля и добавила на случай, если Алисе придет в голову сказать о нем что-то оскорбительное: — И он не женщина и не гей, что бы про него ни говорили!

Затем ее взор обратился на дорогу, и Алиса решила больше не спорить. Смысла в этом все равно не было, как и в этой дурацкой поездке. Она и сама не поняла, как согласилась. В манере Оли требовать присутствовало что-то очень цепкое.

Остаток пути прошел в молчании. В голове хаотично проносились отвлеченные эпизоды прошедшего дня: поврежденные кожные покровы, череда скальпелей, иглодержателей и расширителей, ловящих свет галогенных ламп на потолке... Приглушенные разговоры коллег из-под масок, обсуждающих, чем лучше удобрять цветы... И длинные аллеи на пути к дому, кладбищу, университету. Вся ее жизнь была прошита ими, но ни одна из них не кончалась.

Иногда Алисе казалось, что она видит себя со стороны, идущей вдоль бесконечной вереницы ухоженных деревьев. И ей хотелось окликнуть себя, поймать и спросить: «Эй, куда ты идешь?»

Однако это один из тех вопросов, которые стараешься себе не задавать, потому что не знаешь, что ответить.

У Алисы не было друзей. До смерти Якоба она, слегка кривя душой, пыталась общаться с эпизодическими знакомыми, в глубине не чувствуя в этом особой потребности. Но мир вокруг, по крайней мере, казался интересным. Это было верное слово, оно выражало и ее отношение к жизни.

Когда Якоб умер, Алиса словно попала в фильм с отключенным звуком. Все вокруг нее пребывало в движении, но она перестала ощущать с этим какую-либо связь. После его смерти реальность стала избыточной.

Якоб, Якоб, Якоб. Привидение, нависшее над изголовьем ее кровати и смотрящее за ее сном. Тень в уголках глаз, ждущая своего часа.

Якоб, Якоб, Якоб, отпусти меня.

Но Якоб держит.

Потому что Якобу страшно. А Алисе страшно за него.

И все повторяется. Аллея, кладбище, письмо. Ее просьба отпустить. И его тень, медленно начинающая выплывать по ее главному яблоку.

Алиса предпочитала думать, что выбрала весьма своеобразный способ взаимодействия с тем чудовищным чувством вины, которое осталось после его смерти. И втайне чувствовала умиление ко всем одержимым людям. Ведь она так хорошо понимала, каково это — быть во власти каких-то абсурдных мыслей или чувств.

...Так, отчасти она понимала и Олю, которая поклонялась своему Люку, но боялась ехать к нему в одиночку. У всех свои заскоки.

Происходящее сейчас возвращало ей подзабытое чувство, что вокруг есть и внешний мир. Несмотря на внутреннее сопротивление этому идиотскому плану девчачьей поддержки, она по-своему ценила такие редкие вылазки в люди. Потому что на мгновение переставала бежать в своей голове вдоль ряда одинаковых деревьев без ощущения конечности этого пути.

Но, сидя среди груды календарей с полуголым Янсенем и слушая изрыгающую проклятия однокурсницу, Алиса остро почувствовала свою чужеродность, словно могильный камень, поставленный посреди детской площадки.

Они все-таки опоздали. Концерт уже начался, со стадиона доносились вопли и музыка. Оля размашистым шагом понеслась вперед, волоча Алису за собой.

— Это очень-очень плохо, — верещала она. — На концерты надо приходить за пять часов, а на такие — вообще за сутки, потому что настоящие фанаты должны быть в зоне танцпола: только там можно видеть его близко... Твою же мать... Значит, будем пробиваться как черти.

— Разве сначала не играет какая-нибудь левая группа для разогрева?

— Да, но хочешь получить место у сцены — лезь первой и слушай их. Кстати, надеюсь, ты ничего не пила, потому что назад хода нет, и в туалет попадешь только после концерта...

Последняя вереница людей уже утекала внутрь. Где-то впереди ревела музыка и плескалось море криков.

«Сколько же их там?» — с ужасом подумала Алиса.

Их пропустили, и Оля снова вцепилась в Алису железной хваткой.

— Готова? Вперед!

И она тараном понеслась в толпу, работая локтями. В ответ на все возмущенные крики Оля махала своим билетом и орала:

— Я выиграла «Инфернальную встречу», мое место у сцены! Пошли вон! Все пошли вон!

— Да где это написано?!

— Э-э-э... полегче...

Они пробивались сквозь толпу, и та смыкалась за ними, толкая по инерции вперед. В итоге обе девушки оказались где-то недалеко от сцены. Стоило признать — Оля в жизни не пропадет.

В небе мелькали лучи прожекторов, посылая привет далеким звездам, в то время как происходящее на земле напоминало дьявольский обряд. Зрителями были преимущественно девушки во «вдовьих» нарядах, с вульгарным макияжем.

Множество корсетов, ошейников, латекса.

На каждом втором болталось что-нибудь с символикой группы.

Сережки и кулоны с надписью «Inferno № 6», майки с лицом Янсена.

Сигны на щеках, татуировки, шапочки с эмблемами.

Добро пожаловать в готы. Здесь носят темные очки после полуночи, а отсутствие пульса считается эротичным.

По сцене носились какие-то размалеванные ребята, внешне не сильно отличающиеся от публики. Отыграв минут сорок, они убежали под рев людей, скандировавших имя Люка.

Прошло еще минут сорок саундчека Inferno № 6. Это ожидание всех выматывало: поклонники орали, стучали и хлопали, а небо с каждой минутой становилось все темнее.

И вот оно, долгожданное зрелище: Люк Янсен с тлеющей в уголке рта сигаретой выходит на сцену, и татуированная змея вокруг его торса ползет вместе с движением мышц, когда он хватается за микрофон. В небе грохочет последний хит про мертвую невесту, и толпа в ритуальном упоении подхватывает его.

Оля, как и другие, начала подпевать, уткнув невидящий взор в фигуру на сцене. Девушки синхронно раскачивались из стороны в сторону и как околдованные смотрели вперед. У некоторых по щекам текли слезы, смешанные с грубой черной подводкой. «Олимпию» окутывала бешеная энергия. Яростная толкучка, слезы и визги только усиливали атмосферу сакрального безумия.

Алиса была настолько оглушена чудовищной громкостью, что происходящее едва казалось реальным. В тисках разгоряченных тел ей оставалось только смотреть вперед, потому что другие движения были невозможны. В голове некстати всплыла недавно прочтенная статистика смертей во время массовых сборищ.

Люк Янсен без усталости носился со своей несовершенной улыбкой, обнажающей чуть выпирающие резцы. Голос периодически срывался, выдавая слабоватую дыхалку. Но он не терялся и судорожно обрушивался снова вне ритма.

— Уо-о-оу!

Пара тупых слэмеров навалилась на нее, мотая во все стороны патлатыми головами. Правда о концертах была такова: на них под музыку калечили людей.

Когда Алиса наконец-то пришла в себя от окружающей истерии, в воздухе отгремел уже третий по счету похоронный марш.

И настала короткая пауза.

— Привет-привет, Берлин!

Они взревели, как стадо раненых бизонов.

Люк с улыбкой возвышался над этим энергетическим катаклизмом и бросал краткие слова благодарности в микрофон. Татуировка на ребрах словно ожила вместе с его дыханием.

All I loved, I loved alone.

Внезапно Алиса поняла, что эта надпись была слева, то есть под сердцем.

Он коротко прикрыл глаза, ненадолго отрешившись от них всех. Эти срывы явно давались ему не так легко, как могло показаться. Вопреки окружавшему его пафосу из него все равно бил свет, похожий на бледное мерцание далеких звезд.

«Почему же ты поешь только о тьме?» — мельком пронеслось в мыслях Алисы.

Через легкое внутреннее сопротивление пришлось признать наличие у него мрачного обаяния, выражавшегося больше в его манере держаться, чем в монотонном пении. Этакая смесь макабра и самоиронии.

Люк же начал новую песню. В этот раз медленно, иногда понижая голос до такой степени, что он превращался в мелодичный рык. На заднем плане, как капли воды, разбивались чистые звуки клавишных.

Эта мелодия читалась словно книга, в ней трепетала чья-то пойманная душа. В этот момент Алиса впервые почувствовала себя причастной к концерту. То, что сейчас звучало, было настоящей музыкой.

— Мне нравится эта песня! — с удивлением прокричала она Оле.

— Что? — переспросила та, повернув к ней лицо.

У нее были абсолютно счастливые глаза, в которых, как жидкое золото, плескались блики прожекторов.

— Песня — класс!

— А-а-а, это раннее, — перекрикивая истеричный вой фанаток и гремящую музыку, сообщила Оля.

Группа уже отыграла добрую половину сет-листа. А публика все больше расходилась, напевая что-то произвольное. Это был гимн верных поклонниц, их мантра. Лились безостановочные слезы.

— Я люблю тебя, Люк!

На сцену вразнобой полетели кружевные лифчики — извечный символ женской преданности.

Он с вымотанной усмешкой оглядел беснующуюся толпу и снова закрыл глаза, слушая голоса. Прожектор прошел его синим лучом. На мгновение Люк стал настоящей звездой: усталым, спящим светилом, случайно упавшим с неба в жадные руки кричащей толпы.

Что он на самом деле думает обо всем этом?

Что ему дает его слава?

Он выглядел отчужденным от того, что делал, хотя выкладывался на полную катушку.

— Мне нравится ваш настрой, — наконец снисходительно сказал Люк, кивая непонятно чему. — Вот так... вот так... молодцы. Но вы можете громче, так ведь?

О, лучше бы он молчал. Визг поднялся, как цунами.

— Молодцы... — выдохнул он, откидывая мокрые волосы со лба. — Тогда у меня для вас — раритет. Впервые мы исполним эту песню live. Я писал ее для одного-единственного человека, но он ее не услышал. Зато ее поют миллионы, которым она не предназначалась...

Застучали ударные, и Люк, глядя поверх голов, запел снова. Хотя, скорее, это был речитатив под шаманские барабаны...

Внутри Алисы вдруг все замерло. Ей показалось, что каждому камню в ее душе подобрали имя.

I left the lights for you to pave the way,

Who will come back under your name?

But knock three times, I'll let you in.

Keep knocking, even when I'm scared within[9 - Я оставил огни, чтобы проложить тебе путь, Кто вернется под твоим именем? Но постучись трижды, я впущу тебя. Продолжай стучать, даже если мне страшно.].

«...Стучи три раза, чтобы я знал, что это ты. Стучи громче. Напугай меня до чертиков, притащи за собой всех мертвецов, дьявола, Бога, но вернись...»

Пальцы стираются о струны гитары... Эта песня течет по кровотоку невидимого ножа, которым он ковыряет дыру в себе. Похороны прошли тяжело. Мать Сабрины безостановочно плакала, и, глядя на нее, хотелось просто выйти и прекратить все это. Нельзя отмерять так много боли людям, потому что столько не вместит человеческое сердце.

Люк перестал чувствовать пальцы, но они все наигрывали заклинившую мелодию, походящую на крошащийся плач. Это не музыка, а какофония. Слов к ней нет. Семи нот не хватает.

«Ты себе травму связок заработаешь...»

Он отложил гитару и сжал кровоточащую руку. В голове крутились строки.

«Стучи три раза. Я только так тебя и узнаю. Среди всех проходимцев, чужих, своих, мертвых, живых... Стучи же в мою дверь. Я жду тебя за ней. Сабрина! Сабрина!»

Внезапно он сам начал отстукивать ритм по крышке стола. Грудь тяжело вздымалась, а губы начали произносить эти слова. Люк впал в транс и повторял их, чувствуя, что пот заливает глаза.

Должно быть, за его плечами стояла сама смерть, когда он писал эту песню. Он никогда не забудет безмолвной тяжести, чужих теней на стене и ритма, пришедшего из другого мира.

«Стучи три раза... я буду у двери. Я буду ждать».

На Алису накатило вязкое головокружение. Растапливающие зеленые глаза мелькали на всех экранах, и в них читалось что-то сумрачное и гипнотически сильное...

В картине перед ней словно проступила сеть трещин.

Сквозь звуки окружающего мира донесся странный ритм. Так скребется кошка в закрытую дверь... Но скрежет нарастает, и в нем слышится лязг.

Якоб стучался в твою дверь. Якоба никто не впускал.

Мир вокруг нее подернулся тошнотной сепией, и где-то у сцены, как наяву, обозначилось лицо. Человек стоял в тени, склонив голову и засунув руки в карманы своей потрепанной кожанки. И Алиса знала, что они сжаты в кулаки. Он не мог их разжать.

Это был Якоб.

Она неотрывно смотрела на него, едва осознавая, что сейчас концерт Inferno № 6 и все мертвецы здесь — просто готы с пожизненным Хеллоуином.

Но Якоб был среди них. Мертвее всех. И он пришел специально для нее.

«Чтобы ты помнила, Алиса, — говорили его бледные голубые глаза, — что задолжала мне обещание».

Слегка вздернутый нос, капризно оттопыренная нижняя губа и въедливый, болезненный взор... Якоб смотрел на нее исподлобья с молчаливым укором, неумолимо приближаясь. Его руки легли на железное ограждение между ними, и он потрянул его изо всех сил. Металл глухо лязгнул.

Открывай свою чертову дверь, Алиса.

Она отшатнулась, вдавливаясь в кого-то позади себя.

От его близости веяло опасностью.

«Как такое вообще возможно?»

Эта колдовская песня? Ее сумасшествие? Все сразу?

Якоб не давал ответа, но парадоксально воплощал его собой. Желание исполнилось, он здесь.

Только что-то ты не рада.

Внезапно в уши отчетливо влились чьи-то ожесточенные слова, приводящие ее в чувство:

But it was me who knocked on your door.

It was you who closed it[10 - Только это я стучался в твою дверь. Ты та, кто ее закрыла.].

Люк Янсен закончил ими песню.

Этот контакт не хотелось продлевать. Алиса не выдержала и рванула сквозь толпу с такой силой, что даже кто-то умудрился упасть.

Вот вам слэм, придурки.

Гитары взревели снова, и она увидела небо в алмазах. Локти уже сами прокладывали путь среди беснующихся людей. Мелькали проколотые губы и носы, подведенные глаза и чьи-то черные слезы.

Господи, только бы выбраться.

Стоило только оказаться в пустом проходе, и Алиса побежала так, словно за ней гнались. Она влетела в здание и интуитивно нашла дверь туалета. Здесь было тише.

Капала вода, а зеленоватый свет лампы тускло отражался в белом кафеле. Все кабинки были пусты. Она оперлась о раковину, тяжело дыша и пытаясь сфокусировать взгляд на своем отражении. Наконец-то это получилось. В глазах лихорадочно дрожали какие-то блики.

За этими стенами продолжал грохотать стадион, там все шло своим чередом, и едва верилось, что все это находится рядом.

...Этот Янсен придает смерти красивую форму, делая ее изысканной и желанной. Но смерть некрасива. Алиса это знала лучше всех.

Мир наконец перестал кружиться, возвращая ей чувство опоры под ногами.

— Ну где ты? — тихо спросила она Якоба, словно он был здесь. — Выходи. Ты же за мной пришел.

Вода продолжала капать. И никто не появился.

Мир плавно, исподтишка вернул себе цвета, выставив ее идиоткой в собственных глазах.

«Не списывай это на поехавшие мозги, — коварно шепнул ей внутренний голос. — Знаешь, что не только ты его видела. Он тебя — тоже».

Когда концерт закончился, было уже совсем темно. Звезды в городе виднелись через раз, но Алисе хватало и круглого пятна света, который на нее бросал уличный фонарь. Она не стала возвращаться и так и просидела на бордюре, пока в воздухе не прогремел последний аккорд, после чего раздался взрыв криков и аплодисментов. Вокруг ошивалось много людей, не попавших на концерт. Они слушали издали уже более рассеянный голос Люка и грустно вздыхали.

Все закончилось, когда «дети ночи» толпой повалили наружу. Кто-то без стеснения снял штаны и стал отливать прямо рядом со стадионом. В туалете, вероятно, была огромная очередь.

Оля, как ни странно, быстро нашла ее, сидящую на бордюре.

— Я думала, ты меня кинула, — заявила она, бесцеремонно хватая Алису за руку. — Почему ты ушла? Там столько всего было! Под конец, правда, бедняжка совсем охрип...

Ну еще бы, так орать.

— Мне стало плохо. Вас там было слишком много.

— Не тебе одной, — многозначительно повела бровями Оля. — Там одна девушка вообще откинулась! Обнаружили только под конец концерта, и кто знает, почему. Небось передоз или от волнения. Ух, сейчас такое начнется...

К зданию стадиона подъезжала скорая помощь. Вот так, без происшествий такие мероприятия не заканчиваются.

Но Оле это уже было неинтересно. Она стремительно поволокла Алису к большому черному лимузину, стоявшему у здания.

— Он уже телепортировался туда?

Знакомая походила на соляной столб.

— Наверное, нет... Ему же надо привести себя в порядок. Ой, страшно-то так...

Когда она взялась за ручку, ее ладонь дрожала. Дверь плавно открылась, и они замерли. Момент истины настал.

— Ладно, садимся. — Оля почти втокнула Алису в салон и следом забралась сама.

Внутри было просторно, роскошно и приятно пахло. На бежевых сиденьях не было ни намека на охрипшую звезду. Зато сидел какой-то мужчина в костюме с иголки и бодро улыбался.

— Я — Кристоф Метц, организатор конкурса «Инфернальная встреча», хотел бы лично поблагодарить вас за активное участие. Кто из вас Хельга Сифакофа? — слегка исковеркав ее фамилию на немецкий лад, спросил он.

— Я, — прошептала Оля, протягивая их билеты, на которых стояла надпись «Суперприз», и свои документы.

Тип мельком глянул на бумажки и просиял, протягивая руку:

— Мои поздравления! А это ваша подруга, которой, как я понимаю, повезло, что вы — друзья?

И он хохотнул, протягивая к ним свою ладонь.

Девушки настороженно пожали ему руку.

— А... Люк...

— Герр Янсен ждет вас у себя дома. Всего хорошего, дамы. — Он масляно улыбнулся и покинул салон.

Лимузин, плавно качнувшись, заскользил по дороге.

После громоподобной музыки и криков в салоне, казалось, стоит мертвая тишина. Девушки ошоловело смотрели вперед, отходя от звукового шока. Оля почти не чувствовала своего тела. От четырехчасового стояния оно затекло и болело.

Спустя пятнадцать минут обе начали приходить в себя. Оля извлекла зеркальце и мельком в него посмотрелась. У нее была цель, и она очень тщательно готовилась к этой встрече с того момента, как услышала его песни. И это была ее преданность, которая, возможно, ничем не уступала преданности Алисы Якобу.

— Что ж... рада, что твоя мечта сбывается.

— Дорогая, я еще больше рада, чем ты, — невнятно пробормотала Оля, продолжая старательно поправлять волосы.

Пошел дождь, и асфальт заблестел в свете фонарей. Поездка казалась бесконечной. Берлин мигал палитрой разноцветных огней, которые становились все более редкими. После концертной эйфории начала закрадываться какая-то тоска.

— Блин, надо кофе тяпнуть, — пробормотала Оля. — Иначе не дотяну до встречи с ним.

Девушка открыла холодильник и принялась изучать ассортимент. Выбрав энергетический напиток с кофеином, она лихо опрокинула его в себя и вдруг поперхнулась.

— Вот же черт!

— Что?

— Я забыла все календарики и плакаты в своей машине! Подружки из фан-клуба меня возненавидят, я же всем им обещала автографы... — рассеянно пробормотала Оля.

— Тебе не кажется, что они и так тебя не очень любят после победы? — хмыкнула Алиса.

— Господи, ну почему ты такая невыносимо честная?

На это Алиса могла только развести руками.

— Что мне делать? Как модерировать ваш диалог?

— Импровизируй! Если я смотрю на тебя, надо что-то сказать. Когда мы с Люком начнем уже нормально общаться, можешь идти. Ты же понимаешь, что это мой вечер, м-м-м?

— Ты повторила это раз десять за эти два дня.

Оля нахмурила татуированные бровки и погрузилась в молчание. В салоне нарастало какое-то необъяснимое напряжение.

Между тем по обеим сторонам дороги начали возникать особняки. Шины мягко шуршали по мокрому асфальту, а громоздкие мрачные дома с пышными садами мокли под дождем. Очевидно, они уже приближались к обители Янсена.

Оля нервно царапала ногтями кожаную обивку сидений.

— Где мы? — спросила Алиса, пытаясь поймать за окном хоть один указатель. — Выглядит как Далем или Грюневальд.

Наконец машина затормозила.

Дверь предупредительно распахнулась, и девушек встретили двое провожатых с зонтами. Над ними возвышался трехэтажный дом, очертания которого размывались дождевой завесой. Можно было различить какие-то арки, балконы и сложные нагромождения, теряющиеся в полумраке.

Некоторое время девушки несмело разглядывали эту огромную конструкцию, а затем маленькими шажками двинулись внутрь. С похоронной торжественностью их провели темными коридорами, обитыми черными панелями, и даже

сопроводили по лестнице.

Казалось, что дом нежилой. Они шли через пустые комнаты, в которых только отзывалось эхо и клубилась пыль, но чем дальше углублялись в недра особняка, тем отчетливее становился дух человеческого присутствия. Это витало в воздухе. Двухстворчатые двери в конце одного из коридоров распахнулись, и девушки оказались в мрачной комнате, посередине которой стояла огромная кровать с черными простынями. По углам мерцали маленькие ночники-черепки, создававшие атмосферу загадочных сумерек.

— Спальня? — удивилась Алиса. — Так ужина и не планировалось?

— Ну, если хотите, могу угостить вас йогуртом, — вкрадчиво раздалось над ее ухом.

Они обернулись и увидели Люка Янсена, прислонившегося к косяку и жевавшего незажженную сигарету с его неподражаемой демонической ухмылкой.

Девушки прибыли в количестве двух человек.

Первая была упакована по готическому стандарту. Большую грудь выдавливал наружу тугий корсет (Анри называл такие штуки бронелифчиками), на запястье — татуировка «Inferno № 6», на бордовых губах — нервная улыбка. В глазах безошибочно угадывалось уже знакомое ему выражение пугающего вождения.

Вторая была высокая и бледная, с волосами до поясницы. Матовые темные глаза настороженно смотрели на него с долей плохо скрываемого скепсиса. Люк поймал себя на мысли, что своей угловатой пластикой она смахивает на героиню старинных черно-белых фильмов ужасов.

Снэпшоты стоящих перед ним гостей тут же снабдили его невербальной информацией. Мисс Бронелифчик рвали на части гормоны и невроз. А молодая Мартиша Аддамс, похоже, пришла стеречь моральный облик первой.

— Я Хельга, — дрожащим голосом представилась первая.

— Алиса, — сказала ее подруга.

— Добро пожаловать, девушки. — Люк показал рукой на кровать. — Располагайтесь.

— Мне казалось, что ужин и визит в спальню — это несколько разные вещи, — протянула Алиса, присаживаясь на диван.

— Ты что, дома пожрать не можешь? — свистящим шепотом осведомилась у нее Оля по-русски.

— Так как насчет йогурта? — непринужденно поинтересовался Люк, вздернув одну бровь.

— О, нет, спасибо! — залепетала Оля. — Она... э... так... сболтнула.

— Тогда желаете выпить?

— Виски! С колой! — не стала мелочиться низкая.

— Спасибо, ничего, — отозвалась высокая.

Люк пожал плечами и налил Оле щедрую порцию. Затем непосредственно завалился на черный шелк, а она присела рядом, поджав ноги и напроочь забыв про Алису.

Все трое слились с полумраком. Девушки отогревались, Люк же давал им время адаптироваться. За окном слышался шум дождя, и казалось, что здесь — какое-то убежище, где они скрываются от бури и злых сил. Но это мгновение быстро прошло.

Будущее тем временем проступало уже без хрустального шара. Сейчас низкая накачается алкоголем и полезет к нему в штаны, а высокая тихо уйдет с безгливой физиономией.

Алиса думала примерно о том же, но в ином ракурсе. До нее только теперь доходила правда.

«Ужин» со звездой — это переспать со звездой. Все было очевидно с самого начала, просто до кого-то туго доходит. Какая, к черту, еда, когда на часах двенадцать ночи?!

Оля налила себе еще. Руки тряслись, и графин постукивал о край стакана. Но ей нужна была храбрость. Затем она подвинулась ближе к Люку и не нашла ничего умнее, чем сказать:

— Господи, это... ты!

— Да, мы с Господом всегда были на одно лицо, — непроизвольно сыронизировал он.

Она взвизгнула как ребенок, и Люк невольно заулыбался, наблюдая за ней.

— Я... я... просто не верю, — начала она со скоростью пулеметной очереди. — Два года я в теме Inferno № 6. Моя жизнь изменилась в тот миг, когда я услышала твои песни. Знаешь, какая была первой? «Everlasting Scream»! Это просто нечто! Как будто про меня написано. У меня был не самый легкий период в жизни. Но когда появилась твоя музыка, Люк... ты меня спас. Я была во тьме. Меня никто не понимал. Только ты... Это так... странно...

— Весьма, — с серьезным видом кивнул он.

Она не замечала, что он уже второй раз передергивал ее слова. За этим, как двадцать пятый кадр, проскальзывало его другое лицо, которое никак не удавалось разглядеть. Оставалось только смутное ощущение, что за всем этим скрывается что-то совсем иное.

Что, возможно, мало кому нравится.

— Ты — мой маяк в океане рутины и безысходности, — нервно засмеялась девушка, чувствуя, что безумная шарманка внутри нее начинает наяривать дурацкую мелодию, которую уже никто не остановит. — Ты спас меня однажды.

Хотя тебе это все говорят, наверное?

— Ты ничего не путаешь? Обычно говорят, что от моей музыки охота вскрывать вены.

— Не-е-ет, вены не хочу вскрывать. Ха-ха.

Алиса слушала этот неуклюжий диалог, и ей хотелось закрыть лицо ладонью и уйти на цыпочках прямо сейчас, вжимаясь в эти погребальные стены.

Снова донесся плеск из очередной бутылки.

— Тихо, тихо, с текилой так нельзя, — с веселой ухмылкой сказал Люк. — А соль? Давай-ка вместе.

Хельга его забавляла. Она пила, а он незаметно ее изучал. Непосредственна, как неуклюжий щенок, стремящийся зализать хозяина до смерти. Ни интриги, ни подвоха. Но мило, черт возьми.

Оля заторможенно слизнула с руки соль, а Люк дразняще высунул язык, демонстрируя пару крупниц на самом его кончике.

— Ой, так он нормальный! — непринужденно воскликнула она, широко раскрыв глаза. — А то на форуме писали, что ты сделал пластическую операцию, чтобы язык был как жало змеи.

Люк подавился, и всем стало неловко.

— Охренеть, — он потер переносицу большим пальцем, — чего еще я про себя не знаю?

— Извини... — пролепетала Оля.

— А на член я себе случайно пластику не делал, чтобы он тоже был как жало? А когда я снимаю штаны, он еще и шипит, как змея: «Тсс!»

— Не-е-ет, про это ничего не писали, — совсем стушеввалась она, а Люк начал ржать.

Чтобы контролировать Олю, надо было сесть подле них на этот траходром и периодически бить ее по голове. Она уже не замечала Алису, и та на полном серьезе не знала, как спасти ей свидание, которое летело в тартарары.

Но Люк демонстрировал удивительную снисходительность к бестактности гостыи.

— Да забей, я привык. Еще? — спросил он с ноткой коварства в голосе, указывая на текилу.

— Да-а-а... Ты... ты — такой необычный человек! — Голос Оли варьировался от грудных раскатов до визгливого фальцета. — И татушки у тебя такие... стильные. Со смыслом. Не то что все эти ласточки на ключицах.

Люк привстал, налив ей еще порцию, а затем откинулся на кровать и поскучнел.

— Спасибо. — И, неожиданно подвинувшись, вкрадчиво взял инициативу беседы в свои руки. — Но давайте лучше побеседуем о вас. Чем вы занимаетесь, девушки?

— Я... Я учусь на юриста, — пролепетала Оля, и ее ноздри трепетали, как бабочки.

Люк перевел взгляд на ту, что держалась в тени.

— Ну а ты, Алиса?

— Танатология. Если точнее, судебная медицина.

Он посмотрел на нее уже с нескрываемым интересом.

— Танатология. Получается, наука о смерти, — со смешком пробормотал он.

— А у меня уголовное право, — вставила Оля.

Люк коротко глянул на нее и снова уставился на Алису. Вот тут и наступила пауза. Мартиша Аддамс, в отличие от Хельги, не говорила.

Оля попыталась что-то сказать, но губы ее не слушались. В голове же сгущалась каша, которую утром кто-то будет разгребать очень долго.

Алиса интуитивно поняла, что знакомую пожрал зеленый змий и надо как-то отрабатывать свое присутствие. Стряхнув дрему, она добавила:

— Мы пересеклись с Оль... Хельгой на семинаре по медицинскому праву.

— Ох уж это медици-и-инское право, — хихикнула Оля, хватаясь за тему как за соломинку. — На нем только с людьми и знакомиться. Учить такую муть — все равно что пи?сать, стоя на одной ножке.

Ну, началось.

Люк ухмыльнулся себе под нос, однако его внимание неизбежно переключалось на Алису.

— И какой профиль?

— Аутопсия.

— У тебя, видимо, крепкие нервы и желудок.

— А у тебя нет? Для тебя так близки все эти... трупы.

Тени под его глазами словно стали резче, но он только ей улыбнулся вместо ответа.

— Ты хоть одного видел? — решила поддеть его Алиса. — Или так... мертвечина — твой эстетический концепт? Как-никак готика.

— Я видел, — сдержанно ответил он. — Не так много, как ты. Но видел.

В его словах мелькнуло что-то странное.

Люк усмехнулся с полужакрытыми глазами и протянул безо всякой обиды:

— Тебе не нравится мое творчество.

— Не обижайся, но мне кажется, что твои эмоции так наигранны. Хотя твои ранние песни меня действительно тронули, — с усмешкой ответила Алиса, сама не понимая, откуда возникло желание легкой конфронтации. — В чем перемена? Шоу-бизнес и разврат?

— Типа того.

Силы вернулись к Оле или же это была вторая волна опьянения, но она вдруг встряла в их разговор.

— Люк, не слушай ее, она не в теме. Главное — любовь и преданность тех, кто тебя понимает, — выдала она, подвигаясь к нему все ближе и ближе.

Заодно ее рука выдрала из бара еще какую-то маленькую бутылку. Кажется, это была фруктовая водка.

Люк хохотнул и переспросил:

— Любовь? Да брось, это остервенелое обожание — просто временное помешательство. Девочки и мальчики, обнаружившие в себе смутную потребность любить, направляют ее на своего кумира. Я — ваш символ.

— Символ чего? — не поняла Оля, не зная, как реагировать на его странную откровенность.

— Чего хочешь, — ответил Люк. — Ты вольна вложить в меня любой смысл.

«А не дурак он, этот Янсен», — подумала Алиса.

— Как бы то ни было... есть те, кто будет любить тебя до конца жизни! — упрямо заявила Оля, так ничего толком и не поняв.

Люк неожиданно ей улыбнулся и сказал:

— Это пройдет. Твой идеал в реальной жизни — занудный тип, да еще и алкоголик.

И снова наступило молчание, быстро наполнившееся шумом несмолкающего дождя. Ночник освещал лицо лежащего Люка и обрисовывал контур Оли, застывшей подле него. Где-то поодаль от света угадывалась фигура Алисы. Так, втроем, они пребывали в этой комнате в полном молчании, и каждый нашел здесь свое место.

— Зачем же тогда ты продолжаешь играть? — решила спросить Алиса, уже без враждебности.

Люк словно вышел из транса. Его взор медленно скользнул в сторону Алисы. Что это за девушка такая? Ее вопросы точно по лбу били.

Оля некстати икнула и зажала рот ладошкой. Лицо Люка перед глазами делало сальто. Под тяжелыми слоями дурмана она почему-то подумала, будто нога судьбы, приведшая ее сюда, теперь делает все, выпинывая ее как третью лишнюю.

— Я сейчас... — пробормотала она и пошла к выходу, сбив по дороге пару ночников.

Теперь Люк и Алиса остались в комнате вдвоем.

Некоторое время до них еще доносились ее удаляющиеся шаги. А пауза затягивалась. Казалось, вместе с Олей пропал удобный фон, с которым в случае чего можно было слиться и скрыть внезапно проклюнувшуюся личную направленность этого разговора.

Как это замечательно — все трое друг друга используют, лишь бы не быть откровенными.

Украдкой Алиса следила за этим человеком, лениво пускающим кольца дыма в потолок. Затем с несколько картинной пластичностью Люк встал с кровати и перетек в кресло напротив нее.

Раз у него вдруг появился разумный собеседник, то надо хотя бы видеть его вблизи.

— Так... — начала она снова, — зачем ты играешь? Если тебя все достало?

— Ну, я уже из этого поезда не выпрыгну. Я стал и вагонами, и рельсами. — Уголки его губ дрогнули в еле заметной усмешке.

— И тебе это не нравится, — утвердительно сказала Алиса.

Зеленые глаза полыхнули легкой вспышкой.

— Нет.

— А зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому что ты спрашиваешь.

Они таращились друг на друга в полутьме, и каждый пытался понять своего собеседника. Впервые эти двое встретили того, кто интересовал их больше, чем мертвецы.

— Раньше твои песни были хорошими. Даже... мне они понравились, — осторожно произнесла она.

— Даже тебе? — Люк суховато рассмеялся. — Передо мной сидит либо тонкий ценитель, либо девушка с кошмарной манией величия.

— Уверена, что у этих песен была причина, — проигнорировала его реплику Алиса. — Что же произошло теперь?

Почему-то ей хотелось узнать правду, и она сама не понимала, откуда иногда берется это желание — понять другого. Но к Янсену появлялось неожиданное расположение. С ним хотелось говорить.

Сейчас в Люке не было и капли того мистицизма, что бил с каждого плаката. Он недоуменно улыбнулся ее вопросу, слегка сведя брови.

— А ты не знаешь? Алиса, откуда ты взялась? Из какой Страны чудес?

Внезапно он наклонился к ней так близко, что она могла разглядеть темную подводку, повторяющую форму его глаз, и почувствовать, как циркулирует воздух между ними... Некоторое время он взирал на нее в абсолютной тишине, а потом отчетливо вдавил в нее:

— Сабрина... умерла.

Он не сказал, кто такая Сабрина, да это было и неважно. Но она заставила его петь, и мир принял его музыку, словно жертву, отобрав все до последней капли. У него ничего не осталось. Он пуст.

«Человек-загадка», «кумир молодежи», «Орфей нового поколения» — все это оказалось безбожными медийными клише.

Перед Алисой сидел одинокий, выпитый до дна человек.

Старая боль вдруг проснулась и кольнула его так, что стало трудно дышать. Он с трудом верил, что это его такой надломленный голос сейчас сказал: «Сабрина... умерла». Стыд, да и только. Момент был чудовищный, а темнота и плохая видимость усилили это чувство в сотни раз.

Сидящая перед ним девушка спросила:

— Им пришлось по вкусу твои страдания?

Он испытал к ней секундную ненависть. Потому что она каким-то образом поняла больше, чем он сказал.

— Ну, когда-то мне было хреново, — тем не менее сдержанно отозвался он. — Моя девушка вроде как умерла.

Первичный интерес к ней сменился растущей настороженностью.

Что-то в груди Люка все еще стремительно сокращалось, пуская круги дрожи по всему телу. Взор не отпускал странную гостью напротив него. Много не говоря, она обладала жутковатой особенностью настраиваться на одну волну с собеседником. Как если бы кто-то деликатно забрался к тебе в душу и начал осторожно разбирать ее на части.

— От чего она погибла?

— Автомобиль, — чуть помедлив, стал рассказывать он. — Ее сшибло прямо на моих глазах, и я был с ней до приезда скорой помощи. Об этом, если честно, никто не знает. Всем известно, что ее просто сбила машина.

— И ты видел ее смерть?

— Да. Скорая опоздала. Ей в живот очень неудачно воткнулась какая-то железка. Фонтан крови. Мы оба были в ней, просто финал фильма «Пила» какой-то... Она цеплялась за мою майку и могла только смотреть мне в глаза. Собственное бессилие — настоящий кошмар.

Сейчас он снова был прежним. Иронизировал даже на болезную тему и отмазывался не очень умными шуточками. Но в тот момент что-то в беседе стало для них общим, какая-то невысказанная мысль.

— And all I loved, I loved alone, — протянула Алиса.

Люк с ухмылкой потерял свою татуировку на ребрах. Напряжение стало спадать, и между ними вдруг заструилось доверие.

— Складно вышло, не правда ли? Я набил себе его фразочку, а теперь с ней по земле ходит еще миллион людей. Я всегда говорил, что я — просто икона безвкусицы.

— И разумеется, у тебя одна любовь на всю жизнь? — ровно спросила она.

— А можно ли считать привязанность к мертвецу любовью? — парировал Люк. — Может, это просто... память?

В лице Алисы что-то изменилось. Это было заметно даже в полумраке. Или же перемена произошла в воздухе, в котором витало их настроение. Но Люк понял: сейчас уже он задел ее.

— Кто знает? — уклончиво ответила она наконец. — Хотел бы ты увидеть ее снова? Что бы ты сделал, если бы вместо меня здесь была она?

Его опять пробрала легкая дрожь. Он ведь даже не видит лица своей собеседницы. Здесь так темно, что под ликом какой-то Алисы в эту дождливую ночь мог прийти кто угодно.

Даже... она.

Люк сжал двумя пальцами переносицу, чтобы слегка отрезвиться. Это глупо. Алиса была другой. А Сабрины больше нет, это он знал совершенно точно.

— Это что, интервью? — поинтересовался он снова с деланным раздражением.

— Нет, просто мое любопытство. Ты, оказывается, другой. То, что видят люди, похоже на искусную постановку какого-то жадного продюсера.

Анри раскусили, даже не зная его. Люк невольно хихикнул.

— Все притворяются, Алиса. Каждый пытается выдать себя за кого-то другого. И ты, и я, и они.

Она подалась вперед. В свете плафона-черепка меж ними проступили спокойные черты лица с внимательными умными глазами. Алиса наконец-то обрела плоть и

кровь. Теперь он был уверен в двух вещах: в том, что она — не Сабрина, и в том, что она — настоящая.

— А ты... никогда не хотел умереть вместе с ней?

Очередной вопрос. Почему-то шепотом. И опять прямо в сердце. Люк был убит ее пронизательностью. Откровенность их беседы походила на оголенные лезвия, прижатые к коже. Они никого не ранили, но эта жутковатая честность причиняла легкую, щекощущую боль, от которой, впрочем, было и приятно. Это давало необъяснимое ощущение родства.

— Очень хотел, — также понизив голос, ответил он. — Но не стал. Как ты думаешь, в чем заключается настоящая трусость? В самоубийстве от отчаяния или в дурацкой жизни без смысла? Те, кто сводит счеты с жизнью, — по-своему большие смельчаки.

Алиса тихо посмеялась.

— Тебя обвиняют в распространении суицидальных настроений.

— Но я не чувствую себя виноватым. Наверное, потому что каждый имеет право не только на жизнь, но и на смерть по своей воле.

— Что же ты не воспользовался своим правом? — спросила она.

Ей словно нравилось задавать провокационные вопросы. Но Люку было не в лом ответить.

— Мне и так нормально. — Конец фразы он почему-то прошептал ей на ухо, изогнувшись как змея. — Однако тех, кто это сделал, я осуждать не хочу.

Его слова болезненно вспыхнули в ее сознании, и пару секунд Алиса даже не могла пошевелиться.

Тут они обнаружили, что Оли уже давно нет. Люк вышел в коридор и вернулся через минуту, посмеиваясь.

— Твоя подруга заблежала всю ванную и вырубилась... Шофер еще был здесь и только что увез ее домой. Ей надо выработать алкоиммунитет, она улетает от одной рюмки. А знаешь, что происходит с такими девушками? Их насилуют, убивают и растаскивают на органы.

— Ты будто знаешь, о чем говоришь.

— Я знаю таких, как она. Но не подумай, что я хоть что-то из перечисленного делал.

— На такого мерзавца ты не похож.

— Правда? А на кого я похож? Расскажи-ка, — доверительно сказал он. — Что-то кроме пластики по раздвоению языка...

Алиса получала странное удовольствие наблюдать за этим человеком и его реакциями. Все, о чем он говорил, было ей близко. Это была не просто беседа, они друг друга понимали.

И ей хотелось сказать, что во многом он похож на нее. Но вслух вышло другое:

— На мима с двумя лицами. Одно смеется, другое плачет. Забавная у тебя шизофрения. Или имидж. Даже не знаю, что вернее.

Люк расхохотался низким смехом, полоснув ее горящим взглядом.

— Тебе бы в мозгоправы идти, Алиса, — чуть сипло добавил он позже. — Могла бы быть психиатром. Ты умеешь задавать верные вопросы.

— Уйди из шоу-бизнеса, — неожиданно сказала она. — Пока от тебя еще что-то осталось.

Их глаза встретились. Люк смотрел с вернувшейся настороженностью, а она выглядела серьезной и мрачной. Будто приказывала ему.

— Не могу, Алиса, — тихо ответил он. — Я, по словам Анри, бесценен в этом деле.

— Если вещь бесценна, ее цена равна нулю, понимаешь?

— И это тоже верно, — развел он руками, чувствуя дурацкий кураж от запоздалого действия алкоголя. — Я ничего не стою ни как музыкант, ни как человек. И к этой мысли, доктор, я пришел уже давно и сам.

Невольно ей стало немного страшно от того, насколько он был серьезен. Люк Янсен — на дне, куда его опустили эти слава и индустрия, а на деле он неглупый человек и интереснее своего имиджа. Но все видели только подростковую горячку в кожаных штанишках.

— Хороший вечер, — перевел он тему, глядя на нее с непонятной усмешкой. — Ты приятный собеседник. С тобой можно говорить так, словно я обычный человек. А с фанатками все тут же отправится по форумам.

— Хельга действительно тебя обожает, — сказала Алиса, слегка смутившись от его искренности. — Ты бы только знал, как долго она ждала этой встречи. Если бы она не напилась...

— А, ей повезло, что она не осталась, — махнул он рукой.

— И что было бы? — любопытствовала она.

— Ничего. Мы бы занялись с ней сексом, а наутро ее выставили бы мои менеджеры. — На лице Люка снова появилась ухмылка. — Она ушла бы разочарованная, с ощущением, что ее просто использовали.

Алиса издала нечто среднее между смешком и возгласом удивления.

— Никакой фантазии.

— А что, я должен был выпить ее кровь?

— Хотя бы. И получается, раз Хельга ушла... то это должна быть я?

Люк привстал с кресла и, опершись руками на столик между ними, наклонился к Алисе вновь. Еще пять минут назад это был изможденный человек, которого доконали собственная скрытность и одиночество. Но он вмиг поменялся, начав излучать ауру болезненной эротичности.

Она невольно вжалась в кресло.

«Неужели и я тоже?» — со смятением пронеслось в ее голове.

Он просто наклонился, но этого было достаточно, чтобы Алиса на миг ощутила все то, что испытывает та же Оля. Девочки всегда будут проседать от таких взглядов. Это как законы Дарвина. Грубая физиология и насмешка природы над доводами разума.

Люк продолжал ухмыляться, а полумрак, царящий вокруг, делал ситуацию еще более неоднозначной.

— А что... ты хочешь заняться со мной сексом? — Его голос, словно змейка, закрался в сознание Алисы, и в этот момент наваждение спало.

Но теперь она знала, что происходит со всеми этими девочками. Это был невольный мгновенный акт приобщения.

— Хочешь, хочешь. Я умею понимать такие вещи.

Алиса улыбнулась и мягко оттолкнула его от себя. Он был пьяноват и просто утек обратно в свое кресло.

— Мне кажется, ты не спрашиваешь, хотят быть с тобой или нет. Ты просто берешь, как корзину в супермаркете.

— Нет, мне просто дают эту корзину, — недвусмысленно ответил Люк. — А я никогда не отказываюсь.

Он закинул ногу на ногу, то ли умышленно, то ли случайно скопировав ее позу, и безо всякого смущения заявил:

— Я еще не встречал таких девушек, как ты. Ты милая, но по-своему. Хотя сначала кажешься замороженной, как полуфабрикаты. Я думал, тебя из монастыря заслали.

Разговор разваливался на ходу, и в комнате начинало витать напряжение, которому не было названия. На этом месте действительно либо занимаются сексом, либо расходятся.

Она встала и направилась к выходу.

— Спасибо за интересный вечер, Люк. Меня завтра ждет работа, не хочу от недосыпа упасть лицом в чьи-то внутренности.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ну же, малыш, не бойся Жнеца!

Хватай меня за руку, малыш!

(Отрывок из песни «Don't Fear The Reaper» группы Blue Oyster Cult).

2

Блэкворк — стиль татуирования, в котором доминирующим является черный цвет.

3

Брэндон Ли — известный актер, погибший при съемках фильма «Ворон».

4

De profundis (лат.) — из глубины, из бездны.

5

Бела Лугоши — американский актер венгерского происхождения, известный по роли графа Дракулы в одноименном фильме 1931 года.

London After Midnight («Лондон после полуночи») — американский немой художественный фильм ужасов, а также название группы в жанре готик-рок.

Александр Маккуин — английский дизайнер модной одежды.

6

Кристиан Лабутен — французский дизайнер обуви.

7

Interview — популярный журнал, основанный художником Энди Уорхолом.

8

Все, что я любил, я любил в одиночестве.

9

Я оставил огни, чтобы проложить тебе путь,

Кто вернется под твоим именем?

Но постучись трижды, я впущу тебя.

Продолжай стучать, даже если мне страшно.

10

Только это я стучался в твою дверь.

Ты та, кто ее закрыла.

Купить: https://tellnovel.com/ru/freym_sonya/ne-potrevozhim-zla

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)